

18+

Валерий Лобков

**ПОЗЫВНОЙ
«ЯРИЛА»**

Валерий Лобков
Позывной «Ярила»

«Издательские решения»

Лобков В.

Позывной «Ярила» / В. Лобков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593550-2

Уважаемый читатель! Обязан Вас предупредить: этот роман не рассчитан на любителей «бах-бах» стрелялок, хотя, в какой-то мере и это присутствует. Этот роман о тяжелых и героических буднях службы бойцов подразделений специального назначения. О нелегкой борьбе с иностранными разведками военной контрразведки в ходе второй Чеченской войны. О человеческих слабостях, предательствах, настоящей мужской дружбе и конечно о любви. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-593550-2

© Лобков В.
© Издательские решения

Содержание

ПОЗЫВНОЙ – «ЯРИЛА»	Книга 1	6
ПРОЛОГ		6
Глава 1		13
Глава 2		16
Глава 3		19
Глава 4		22
Глава 5		25
Глава 6		28
Глава 7		31
Глава 8		34
Глава 9		37
Конец ознакомительного фрагмента.		39

Позывной «Ярила»

Валерий Лобков

© Валерий Лобков, 2022

ISBN 978-5-0059-3550-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЗЫВНОЙ – «ЯРИЛА»

Книга 1

ПРОЛОГ

Нужный Наталье кабинет находился в конце женского отделения стационара, к которому была приписана её поликлиника. Такой маленький отсек – тупичок, отделенный от длинного коридора широкой дверью с толстым, непрозрачным стеклом. Внутри него еще одна дверь с белым трехзначным номером на черной, квадратной, металлической пластине. На длинной, обитой коричневым дерматином скамейке – три молодых женщины не старше тридцати лет. При появлении Натальи они, как по команде, с любопытством обернулись в её сторону. Такой неприкрытый интерес к её персоне вызвал у Натальи глухое раздражение. Кивнула в сторону двери:

– Кто в триста двадцать четвертый последний? – Для чего назвала номер кабинета – она себе не могла объяснить: ведь он был единственным. Ответила та, что сидела ближе к ней:

– А тут нет очереди. Сиди и жди, когда тебя позовут. Объявят номер, что на талончике указан – значит, твоя очередь заходить. У нас теперь не абы – как: везде высокие цифровые технологии, чай не в деревне, в областном городе живем! – Презрительно скривила губы и подвинулась, освобождая для неё место. Судя по всему, она была не в настроении.

Наталья осторожно присела на самый край скамейки. Желания поддержать разговор о высочайших достижениях в сфере медицинского обслуживания у неё не было вовсе. С детства испытывала неприязнь перед змеей, окружившей чашу, и посещала медицинские заведения только в случае самой крайней необходимости. И если была малая возможность избежать встречи с потомками Гиппократов – всегда ею пользовалась. Сейчас возможность у Натальи отсутствовала, поэтому отрицательные эмоции имели место быть!

Скамья была без спинки, и она облокотилась на выкрашенную в ядовито-зеленый цвет стену. К частым колебаниям состояния организма она почти привыкла. Так что песку в глазах, тяжести в внизу спины и кислому во рту привкусу – особого значения не придавала. По объективной информации опытных подруг – при беременности это обычное дело.

Сидящая рядом женщина не успокоилась. Громко высморкавшись в цветастый платок, придвинулась к Наталье и в полный голос поинтересовалась:

– Ты еще только на чистку или уже на осмотр после аборта? – Ответить не хотелось, но Наталья себя пересилила: – Еще только.

– А срок, какой? – Пришлось пересилить себя еще раз – Предельный, почти. Двадцатая неделя пошла. – Незнакомка присвистнула и покачала головой:

– Рожала уже, или первородка? Если еще не рожала, то зря ты так затынула с чисткой: с такими спецами, как в нашей поликлинике, можно на всю оставшуюся жизнь яловой остаться! У меня на третий день после кресла такие выделения начались, что прокладки почти каждый час меняю! А они деньги стоят! Вновь презрительно скривила губы:

– Высокие цифровые технологии, блин! Лучше бы своих хирургов уму – разуму учили! Коновалы конченные, блин! – И повторная продувка носа. Как к тому отнесутся сидящие рядом соседи – её несколько не смущало. Волна жуткого раздражения захлестнула Наталью:

– Что ты ко мне со своими разговорами пристаешь? Мы, что с тобой подруги или хотя бы знакомые? Я что тебя просила мои сроки оценивать? Или мне интересны твои выделения? Может, думаешь, что прокладки я покупать тебе буду, когда ты о своей беде мне расскажешь? Не надейся! Своих проблем выше крыши! – Соседка резко отодвинулась от неё. Рот перестал кривиться, но губы надулись от обиды:

– Ты че, на голову больная или токсикоз так на тебя действует? Я с тобой по человечески, а ты как с цепи сорвалась! – В глазах полыхал огонь нешуточной обиды, но Наталье было на то наплевать: её душа, да и весь её организм действительно, который день пребывали в полной растерянности. Причину этого она знала, но от того становилось еще горше: её поведение этим, оправдать было никак нельзя.

Наталья вновь прислонилась к холодной стенке. Волна раздражения, обрушившаяся на неё, потеряла свою силу и медленно освобождала возбужденный мозг, оставляя вместо себя сожаление о том, что не смогла удержать в узде эмоции. Привкус сожаления, сменивший вкус раздражения, был более омерзителен и горек. Навалившаяся усталость от недовольства собой потянула в сон, и она смежила веки. Пытаться проанализировать происходящее с ней, желания не было: уже пробовала неоднократно и ничего у неё не получалось.

В прошедшую субботу, она ждала звонка от Вадима, мужа, за которого она вышла замуж почти два года назад. Так сложилось, что его редкие звонки из командировок почему – то приходились именно на этот день. Обычно, такие отлучки были не особо долгими и длились месяц – максимум полтора, но на этот раз, что – то не сложилось. Уже дважды муж сообщал, что его возвращение откладывается на некоторое время, не называя причин и срока задержки. Нынешнее его отсутствие затянулось на целых три с лишним месяца.

Все бы ничего, если бы ни одно «но»: Вадим был прапорщиком и служил снайпером в бригаде спецназа ГРУ ГШ ВС РФ, а это в корне меняло отношение Натальи к его периодическим командировкам. Коню понятно, что не для охраны виноградников гонят на Северный Кавказ подразделения спецназа. Этот выезд для него был четвертым. Итог первой поездки – медаль «За Отвагу». Вторая поездка – еще одна такая же медаль, а вот третья добавила на его грудь «Орден Мужества» и первую седину на висках. Из первой командировки не вернулось домой два знакомых офицера. Из третьей – еще два офицера, а один прапорщик лишился ноги. Страх за любимого человека отринул сон, туманил разум и скручивал нервы в тугую жгут. Медицинских успокоительных снадобий она не признавала. Ночь стала каторгой.

Но если быть честной перед собой, то надо признаться, что делая ей предложение, будущий муж честно обрисовал ей все «прелести» семейной жизни при его профессии, но она любила его, уже стала его женщиной и страху не поддавалась. Или не приняла сказанное всерьез, а теперь пожинала плоды своего легкомыслия. Хотя причем тут легкомыслие? Они ведь любят друг – друга, а значит иного выбора у неё не было.

После отъезда Вадима в крайнюю командировку она поняла, что сладкие ночи с любимым мужчиной не прошли бесследно: через неделю после его отъезда она обратила внимание на понятные изменения в своем организме. Первое же посещение женской консультации подтвердило её догадку: она беременна и срок составляет шесть недель!

Сказать, что Наталья обрадовалась будущему материнству – это значит не сказать ничего. Она была в восторге! Она впала в эйфорию! Она грезила наяву: у них скоро родится ребенок! Без разницы кто: мальчик или девочка! Главное – у них!

Первой мыслью было немедленно поделиться новостью с Вадимом, но поразмыслив, решила пока не волновать мужа, не отвлекать его от службы, а дожидаться его возвращения из командировки и сообщить ему радостную весть при встрече. Уж очень хотелось видеть его счастливые глаза при этом!

Но, как говорится, ты предполагаешь, а жизнь располагает: командировка растягивалась, и вместе с ней увеличивался срок беременности. Однажды пришедшая мысль засела в голове, укоренилось в сознании, и напрочь лишила первичного восторга. И чем больше она эту мысль гнала прочь, тем чаще она посещала её голову.

Мысль, страшная по своей сути, но вполне житейская: что она будет делать с малым ребенком на руках, если Вадим не вернется из этой, или любой другой из своих будущих, опасных командировок? Ответа не находила. Ей всего девятнадцать лет, профессии никакой

нет. Чтобы она появилась, надо еще три года учиться в институте, а на что жить? Родители живут в соседнем поселке на мизерную пенсию и богатых близких родственников, что могут финансовую помощь оказать – не наблюдается! Тупик!

Она смирилась с бессонницей, которая, в конце – концов, подсказала единственный выход из сложившегося положения. Вадим должен оставить свою службу. Демобилизоваться или как там у них это зовется! Уволиться и найти любую другую работу. Пойти в охранники или в пожарники или даже в участковые милиционеры. Да куда угодно! Лишь бы от этой войны подальше! Мужик он здоровый, разумный, тренированный и мало непьющий. Да такого, да еще с такими наградами, в любой организации только покажись – с руками и ногами оторвут!

Придя к такому выходу, она немного успокоилась. Дело оставалось за малым: убедить Вадима сделать то, что она задумала, и это не казалось ей неразрешимой проблемой. Он её любит, и она знает, как вести себя: ночь по приезду всегда бессонная и длинная!

Мысли вернулись к прошлой субботе. Ожидая звонка Вадима, а он звонил всегда во второй половине дня, Наталья сделала необходимую и обязательную уборку по плану ПХД (парково – хозяйственного дня). Именно так называл муж субботние хлопоты по наведению порядка в комнате офицерского общежития. Сам он участия в том не принимал, так – как в это время находился на подобных работах в стрелковом тире части.

Закончив с уборкой, Наталья посетила гарнизонный военторг. Особых деликатесов в нем не купишь, но необходимый набор продуктов там всегда был в наличии.

Усталость давала о себе знать. Вернувшись с покупками, она, не раздеваясь, прилегла на старый диван, продавленный многими поколениями предыдущих жильцов этой комнаты. Чуткий, легкий сон быстро овладел, слегка уставшим от бытовых забот, телом. Скрип входной двери мгновенно подбросил с уютного дивана: на пороге стоял родной, долгожданный Вадим! От безумной радости помутилось в голове: несколько минут она висела у него на шее, вдыхая запах камуфляжа, пропитанного ароматами леса и земли.

Пока Вадим принимал душ, она успела на скорую руку приготовить легкий «перекус»: яичницу с мелко покрошенной ветчиной и зеленым луком. Любимый завтрак мужа. Выставила непечатую бутылку молдавского коньяка «Белый Аист», порезала слегка увядший лимон и распечатала малую коробку «Птичьего молока», что ждала своей очереди еще со встречи Нового Года. Картину дополнили две хрустальные рюмки и пепельница из морской раковины.

Но все её старания оказались напрасными. Выйдя из ванной, Вадим так внимательно посмотрел на цветастую ширму, которая скрывала их спальное ложе, что она сразу догадалась, о каком «перекусе» он сейчас грезит. Противиться не стала: её голод был сродни того, что ясно читался в глазах мужа. Взяла его за руку и повлекла за занавеску, свободной рукой расстегивая пуговички на стареньком халате.

Часа через два, набросив халатик на голое тело и выйдя из ванной, узрела Вадима стоящего за столом и разливающего коньяк по рюмкам. Из одежды на нем был махровый полотенеч скрывающий только бедра. Блаженно улыбаясь во все тридцать два зуба он пояснил:

– Дозаправка треба! Энергии затратил столько, сколько надобно потратить для подъема на Сунженский хребет!

– А кто это такой и где он находится? – Муж усмехнулся и поднял рюмку на уровень глаз. Казалось, он рассматривает её через янтарную жидкость. Или целится в неё сквозь насечки на хрустальном стекле.

– Есть такой земляной вал, который тянется через всю Ингушетию и Чечню. Ночей на нем не бывает. Там веками горят факелы попутного газа. Красиво! Но я не про то! Мне другое кино интересно! – Кивнул ей на вторую рюмку. Но она решительно повела головой. Вадим изогнул бровь и медленно выпил свою рюмку до самого доньшка: – Натаха! Жена моя разлюбная! Ответь мне на один вопрос, который возник совсем недавно и не дает мне покоя! –

Отвел взгляд в сторону, прикурил сигарету от простенькой зажигалки, пыхнул синим дымком и продолжил:

– Нынешней осенью исполнится три года как ты, сраженная моим обаянием, упала в мои крепкие и мужественные объятия – Он как всегда балагурил, но в глазах плескалось какое – то непонимание: – То, чем мы только – что занимались, дело знакомое. Нам обоим по душе и в охотку! За время нашей сексуальной жизни, мы изучили друг – друга досконально. Я знаю твою любимую позу, чувствую и предвижу момент, когда ты спрячешь глаза и скривишь губы от наслаждения!

Все это было и сейчас, но мне показалось, что все было не так как раньше. Ты ни разу не позволила мне оказаться сверху. Ты верховодила! Ты всегда была над мной! Я уверен, что мне не показалось, а для этого должна быть причина. И еще: в твоих глазах я иногда замечал непонятную тоску, которой раньше никогда не было! Что – то произошло? Что – то случилось, родная? – Последнее слово поразило Наталью: так к ней он еще никогда не обращался. И тут её прорвало! Всхлипнув, отогнала сигаретный дым, который стремился в её сторону:

– Вадим! Открой, пожалуйста, окно и не кури когда я рядом: мне алкоголь и никотин сейчас вредны и противопоказаны! Я – беременна! Срок – более четырех месяцев! Именно поэтому я так вела себя в постели. Боялась, что навалившись на живот, ты навредишь нашему ребенку! – Вадим некоторое время моча глядел на неё по детски, приоткрыв рот от только – что услышанного, затем вскочил из – за стола. Загремел упавший стул, мелодично тренькнула, разбиваясь об пол хрустальная рюмка. Обнял и поцеловал её так, что зашумело в голове:

– Ну, ты и даешь, родная! Я ведь давно ждал от тебя подобных слов, но, как оказалось, готов к ним не был! У меня и чуть крыша не поехала от радости и счастья!

Как ты себя чувствуешь? Расскажи подробнее все, что знать положено на этот момент будущему отцу! – Наталья, неизвестно куда спеша, глотая окончания слов подробно начала выкладывать новости. По мере приближения её рассказа к финалу, цветок радости на лице мужа стал вянуть. Когда Наталья замолчала, Вадим сидел с опущенной головой, мял между пальцами незажженную сигарету и разглядывал потертую краску на половицах. Молчание затягивалось. От тишины у неё начало звенеть в ушах, и она не выдержала:

– Вадим! Милый! Умоляю тебя! Послушайся меня и сделай то, о чем я тебя прошу! Поверь: я не смогу жить так дальше, особенно в нынешнем моем положении! Я сойду с ума от бессонницы, нервы лопнут от страха за тебя, за себя, и судьбу нашего ребенка! Я уверена, что эта проклятая война проглотит наше счастье и разрушит нашу семью!

Я люблю тебя! Но пойми одно: я не смогу одна вырастить ребенка! Я – слабая женщина, хотя и стараюсь казаться сильной. На чью – то постороннюю помощь я не надеюсь и иллюзий на этот счет не питаю! Мы оба, нужны только друг – другу и нашему ребенку. Больше никому! До нас и нашей семьи никому нет дела!

Объясни мне, как мне жить? Почему именно мне выпала судьба костенеть от страха в ожидании вести, что тебя больше нет, или ты, искалеченный, лежишь в госпитале? – Её глаза начали набухать слезами. Вадим продолжал мять сигарету и изучать половицы. И она начала терять контроль над собой: – Что ты молчишь? Ты не понимаешь, что мое сердце не вынесет прощальных, пустых речей и траурного салюта на кладбище? – Голос стал прерываться, в нем зазвучали натужные, истерические ноты: – Почему нашему ребенку уготовлена судьба, расти сиротой? Только потому, что его отец решил стать героем и спасти человечество? Именно он и никто иной! Тебе что, больше всех надо? – В голосе послышался клекот.

– Вадим, услышь меня! Ну, живут же миллионы семей обычной счастливой жизнью: любят друг – друга, заботятся о своих близких, ходят на работу и вовремя возвращаются домой! Не бегают по горам, не подставляются под пули, а мирно сидят в офисах или работают на стройках. А может, пекут хлеб или шоферят на дорогах. Да мало ли мирных работ не свете?

По первости придется снять квартирку, а потом, глядишь, утрясется и с этим. Не век же будем скитаться по чужим углам. Что – ни будь да подвернется. Голова у тебя светлая, руки не из мягкого места растут. Захочешь – бизнесом займешься. А там деньги совсем другие! Да и я, когда институт закончу, сидеть дома не намерена. Начну работать, и еще легче нам станет!

Вчера на детской площадке увидела Татьяну, жену капитана Петрушина, что не вернулся из первой вашей командировки. Веришь – еле признала! Старуха, а ей и тридцати годков нет! Лицо желтое, мешки под глазами, руки трясутся и взгляд мертвый. Сидит, курит, а на сынишку, что на качелях качается – даже внимания не обращает! Вся в себе! Ничего вокруг не замечает! Скажи, ты мне такой судьбы желаешь? – Наталья уже не говорила, она уже почти кричала!

Муж же продолжал молчать и немигающим взглядом пялился в пол. Только желваки на скулах ходили ходуном и имели цвет переспелой вишни. А она уже остановиться не могла:

– Ну, что ты молчишь? Сказать ничего не можешь, или не желаешь? Знаешь, мне сейчас пришла в голову мысль, что на меня и на нашего ребенка, который скоро родится – тебе просто наплевать! Что для тебя семья? Для тебя куда важнее ваше долбанное, воинское братство! Тебе ближе твои сослуживцы, у которых мозги поплыли от войны! Они только с виду выглядят как люди, а на самом деле это форменные монстры и нравственные уроды! Для них убить живого человека – все равно, что муху прихлопнуть! И их жертвы, к ним во сне не приходят!

Вы же, вернувшись из командировки, больше двух дней дома пробыть не можете: уже на третий день собираетесь вместе в дальней беседке за гаражами, чтобы повидаться и водки выпить. При том говорите шепотом и рюмки прячете в кулаках, чтобы, когда чокаетесь, звука не было. И по сторонам постоянно зыркаете, как будто боевики к вам сейчас подкрадываются!

Да кому они нужны ваши подвиги? Кто из людей вам за них спасибо скажет? О тех четверых, что в землю закопали даже не вскрывая цинковых гробов кто кроме жен, детей и родственников помнить будет? Кто слезы проливать будет? Хорошо если пузатые начальники в Москве озаботятся, и вам, калекам и мертвым, блестящие железки на грудь повесить, а вы и рады! Как же: вы же герои и без подвигов во славу чего – то, или кого то – жить не можете! И наплевать вам на тех, кто ночами не спит, у кого, при каждом телефонном звонке сердце тоской смертной заходится!

– Хрустальная рюмка, расплескав в полете янтарную жидкость, со звоном врезалась в стену. Вадим стоял во весь рост, и вид его был страшен: губы крепко сжаты, брови сошлись в одну прямую линию и нависли над веками. Вишневые пятна со скул сгнули, но все лицо приобрело цвет той самой вишни:

– Ты отдаешь отчет словам, которые только что сказала? – Голос мужа тихий, но в нем столько металла, что у Натальи ослабели ноги. Показалось, что он сейчас сорвется, потеряет свое всегдашнее самообладание и тогда произойдет что – то ужасное! Холодный ручеек пота прилепил халатик к позвоночнику. Накатился уже привычный приступ рвоты и она, перебирая непослушными ногами, кинулась к туалету.

Рвало долго и мучительно. Сил стоять не было, и она опустилась на колени, приобняв холодный унитаз. Дважды её казалось, что приступ закончился, но стоило ей выпрямиться, как рвотный позыв вновь ставил её на колени, и все начиналось заново.

Когда она вышла из туалета, комната было пуста. На полу ярким пятном выделялось махровое полотенце. На обоях цвели мелкие брызги от коньяка «Белый Аист». Жужжала муха, попавшая в западню между стеклом и занавеской. Ей стало ясно: произошло что – то ужасное и непоправимое, и что она большая дура. Утром вставать не хотелось. В теле поселилась какая-то слабость, а ребенок, напротив, проявлял небывалую активность. Ворочался и толкался так, что ей, иногда, становилось не по себе. Как его успокоить она не знала. Ближе к полудню ребенок сам успокоился и она встала. Есть не хотелось, но она силком заставила себя выпить чашку чая.

Мысль предпринять поиски мужа в пределах военного городка, отвергла напрочь: глупо и стыдно. Где он может находиться, она даже не представляла. Слабая надежда, что вот – вот откроется дверь и на пороге объявится муж – не покидала голову. Но когда минули еще сутки, а дверь так и не открылась, она запаниковала и намертво прилипла к окну. Но и это ожидание оказалось пустым и напрасным. Вадим так и не объявился. А во вторник она узнала, что вчера, не попрощавшись, Вадим укатил в очередную командировку. И вотгодот а долгое, томительное ожидание сменила злость. Нет не злость – жгучая ярость! Если ждать бессмысленно, то надо принимать решение и незамедлительно действовать. Развод! Каждый выживает в одиночку и планирует дальнейшую свою жизнь исходя из своих возможностей, а они у неё невелики.

Мысли комариным роем гудели и вертелись в голове. Усилием воли она заставила себя успокоиться и разложить ситуацию по полочкам. Результат раздумий ужаснул её. Перспектива вырисовывалась туманной. А вывод – страшный, но однозначный: надо срочно делать аборт! Тут же вспомнилось, что мать сокурсницы и подруги работает в гинекологическом отделении стационара той же поликлиники, где она стоит на учете. Встреча и беседа с ней может помочь избежать всяких формальностей и ускорить исполнение задуманного. Сказано – сделано!

Сомнения, родившиеся после того, как она, сегодня, перешагнула порог отделения гинекологии, прочно поселились в её истерзанной душе. Причину их появления она не знала, и выискивать не желала. Ведь все равно ничего не изменит! Решение принято! Аборт!

И все бы ничего, но её волнение передалось ребенку. Который еще не родился, но уже жил своей жизнью. Пусть пока в утробе матери, но жил! Почувствовав какой-то дискомфорт, он немного поменял положение, при этом слегка толкнув мать в живот. Был день, а его он уже не любил. Именно днем мать много ходила и предавалась каким-то грустным мыслям. Эта её ходьба, эти наклоны приносили ему неудобства, отвлекали от любимого дела: младенческого, сладкого сна. Угнетенное же состояние матери вызывало у него беспокойство и страх. Совсем другое ночью и в темноте: мать успокаивалась, ложилась так, чтобы его не тревожить, гладила живот и от её рук к нему стекались реки любви и нежности.

Вот и сейчас, неожиданно родившийся страх заставил его проснуться и застучать ручками и ножками в материнский живот. Такой активности ребенка Наталья еще ни разу не испытывала и поэтому даже растерялась. Почему – то заложило уши, как это бывает при посадке самолета и появилось желание срочно посетить женскую комнату. Чтобы присутствующие женщины не заметили того, как колышется её тело под тонкой блузкой, она покинула скамью и вернулась к входной двери. Стараясь убажить разбушевавшегося малыша, наложила обе ладони на живот, куда он особенно сильно стучался, надеясь лаской унять его неожиданную агрессию. Однажды, такая уловка дала результат, но сейчас, по какой – то причине, не сработала. Ребенок не шел с ней на контакт, не чувствовал её ласковых рук.

Наталью бросило в пот. В горле застрял комок чего – то кислого и смрадного. Руки мелко дрожали. Преодолевая понятное отвращение, она несколько раз судорожно сглотнула. Комок провалился в пищевод и одновременно уши освободились от посадочных пробок. Показалось, что именно через них в мозг хлынул поток непонятных звуков, шумов и свиста. На их фоне она с трудом различила младенческий голос:

– Мама! Мамочка! Мамуля! Помоги мне! Спаси меня! Мне очень страшно! – Молния догадки пробилась Наталью от макушки до ног. Она вдруг поняла, что слышит голос своего, не родившегося ребенка! Так, конечно, быть не могло, но так было! Тем временем голос крепчал, покрывая все шумы и посторонние звуки. Он уже не просил – он молил! Ребенок уже кричал!

– Мама! Мамочка! Мамуля! Пожалей меня, не убивай! Я ведь все понимаю! Я большой, я уже вырос! Я различаю день и ночь, я слышу, как ты разговариваешь! Я расслышал, как ты ссорилась с моим папой! Но это ничего: скоро ты с ним помиришься, и все будет хорошо!

Мамочка! Не убивай меня! Я обещаю тебе, что буду всегда любить и во всем слушаться тебя и папу! Я буду хорошо учиться в школе, и вы будете мной гордиться! Когда вырасту, я стану таким, как мой папа: сильным и добрым! Я буду заботиться о вас, буду защищать вас и ухаживать за вами, когда вы состаритесь! – Голова шла кругом, ноги отказывались держать, и Наталья прислонилось спиной к стене. Теперь дрожали не только руки – дрожала она вся: так бывает при сильном ознобе. А ребенок продолжал кричать, как будто он впал в истерику:

– Мама! Мамочка! Мамуля! Пощади меня! Не делай этого! Если ты убьешь меня, то я не смогу родиться, и ты меня никогда не увидишь!! Ведь меня никогда не будет на свете! Все на нем будут, а меня не будет!

Мама! Мамочка! Мамуля! Я не хочу умирать! Я ведь не поспал у тебя на руках! Я совсем не знаю, какого цвета у тебя глаза, я не попробовал вкуса твоего материнского молока! Мама! Мамочка! Мамуля! Молю тебя! Позволь мне родиться! Я только увижу вас с папой, мы совсем немного побудем вместе, ты поцелуешь меня, и после этого мы расстанемся. Навсегда!! Я тебе мешать не буду: делай со мной что хочешь!! – Голос младенца заглушил оживший динамик:

– Пациентка Ярилова! Пройдите в кабинет номер триста двадцать четыре! – Наталья от дикого отчаяния закрыла глаза. До указанного кабинета было всего шесть шагов. Но где взять силы, чтобы их пройти?

– Наталья отклеилась от стены, Затуманенным взглядом обвела сидящих женщин, но шагнуть к страшной двери не смогла. Ноги налились тяжестью, будто бы их прибили гвоздями к полу. Это ощущение было настолько реалистичным, что она почувствовала нестерпимую боль в пробитых ступнях. Рот непроизвольно раскрылся, и из него вырвался сдавленный хрип. Все женщины, как по команде, повернули к ней головы. Но Наталья на них внимания не обратила. Она рассматривала собственные туфли, надеясь увидеть на них, выступившие капли крови.

Не увидела, но легче ей не стало. Наверное, от того, что в глазах начал меркнуть свет и голос, не родившегося её ребенка стал удаляться и затихать. Колени подломились, и она стала заваливаться в сторону скамейки: – Только бы не на живот! – И это была крайняя мысль перед глубоким обмороком.

Все описанные события, **наверное**, никогда и не происходили, и являются плодом воображения автора. Совпадения имен и названий невозможны, но **вероятны**. Если они все же проявятся, то винить в том надо **Википедию и биографию Автора**.

Глава 1

Военный аэродром Ханкала, который находился в восточной части города Грозный, прилетевших специальным бортом пассажиров встретил нудным, никак не летним, морозящим и холодным дождем, что вполне соответствовало нынешнему настроению Вадима. Спускаясь по трапу, он почувствовал, как лицо покрылось влагой, будто бы на неё нанесли пену для бритья.

Попутчики, угрюмые здоровяки, с объемистыми баулами камуфляжной раскраски, числом не менее двадцати, споро, без всякой команды, покинули борт первыми и, не желая зря мокнуть, укрылись под крылом проверенного многими года службы, верного АН 24. Хотя, со времени промежуточной посадки в Элисте прошло чуть более часа, где в ожидании заправки они успели накуриться до одурения, никотиновый голод, после посадки, уже успел проснуться, и Вадим направился вслед за служивыми под крыло.

При его появлении разговоры стихли. Как видно парни были из серьезной конторы и понятие служебной дисциплины они крепко усвоили. С учетом того, нарушать основные правила пожарной безопасности Вадим постеснялся, тем более что никто из стоящих под крылом, дымом не баловался. Здоровяки гостеприимно потеснились, уступая ему «место под солнцем», но ни любопытства, ни дружелюбия при этом не выказывая.

Через несколько минут, к самолету подкатил густо забрызганный грязью ГАЗ 66. Из кабины объявился усатый военный, без головного убора и воинских знаков различия на погонах, но в разгрузочном жилете и с автоматом «Абакан» на груди. Сказав пару слов в портативную рацию, коротко маханул вновь прибывшим, Они, кроме одного, очевидно старшего над ними, плавным ручейком, не спеша, перетекли под автомобильный тент. Старший, забросив баул в кузов, направился к хозяину машины. Обменявшись приветствиями, они о чем – то заговорили, задымили сигаретами.

Путь в расположение бригады еще не забылся, но топтать два с лишним километра под «приветливым», летним дождем, категорически не хотелось и Вадим, покинув убежище, направился к курильщикам. Не дойдя нескольких шагов, остановился, не мешая разговору и дожидаясь, когда на него обратят внимание. Первым к нему обернулся местный. Вадим принял строевую стойку и кинул ладонь к головному убору:

– Старший прапорщик Ярилов! Прибыл в свое подразделение из краткосрочного отпуска! До лагеря «Нского» спецназа не подвезете? Нет особого желания шлепать по грязи и мокнуть почему зря! Дождь, судя по всему, зарядил надолго! – Встречающий, тряхнул коротко стриженной, влажной головой, затем представился, как это и положено:

– Помощник коменданта этого вавилонского столпотворения, майор Штанько. Честь не отдаю, бо к пустой голове – руку не прикладывают! Это я тебе на отсутствие головного убора намекаю. В других случаях устав для меня, что псалтырь для попа или гармонь для деревенской свадьбы. Уважаю всех, кто это понимает, и ставлю раком тех, кто в том сомнения имеют! Учти на будущее. Авось – пригодится! Задница ведь своя, а не казенная.

А с погодой действительно творится что – то непонятное: дня четыре такая хлябь держится. До костей промокли! Одно радует: чичи успокоились. Носа из своих схронов не кажут! Нам уютнее: мы в палатках и модулях от сырости ховаемся, а они в своих пещерах и землянках гниют. Хоть и враги – но не позавидуешь! – Ослабился, показывая зубной мостик из металлических коронок:

– А подвести – это, пожалуйста! Места хватит. Вот перекурим и тронемся с песнями. Запрыгивай, если здоровье бережешь и никотином не травишь! А дымишь – то присоединяйся к нам. – Протянул примятую пачку «Ростова». Вадим поблагодарил, но воспользовался привычной «Явой».

Старший над попутчиками к разговору не присоединился. Курил и смотрел сквозь сейчас неуместные, солнцезащитные очки куда – то в сторону.

Комендант смял в пальцах фильтр выкуренной сигареты, носком берца выкопал ямку между аэродромными плитами и надежно схоронил останки производства Ростовской табачной фабрики. Было понятно, что этот ритуал он провел, не осознано, а на автомате. Так, обычно, поступают опытные диверсанты, находящиеся в тылу врага. Спрятал пачку в карман и поинтересовался:

– Слушай прапорщик, а у тебя среди своих позывной, если не секрет, может Ярила? Вадим чуть не поперхнулся: в подразделениях специального назначения все бойцы, независимо от должности и звания, имели личный позывной. Обычно он был созвучен имени или фамилии и давался на веки – вечные. На все время, пока ты служишь в спецназе. С ним так сживались, к нему так привыкали, что даже в мирной жизни, находясь за рамками боевой службы, обращение по фамилии или по имени резало слух и вызывало легкое недоумение.

Позывной у старшего прапорщика Ярилова действительно был – Ярила. Само собой так его нарекли не потому, что он походил на славянского бога солнца – Ярило. Просто фамилия «Ярилов» и имя «Ярила», на слух были созвучны. Таким образом, Вадим и получил позывной по имени языческого, славянского бога.

Но откуда об том мог знать помощник коменданта? В расположении подразделения спецназа он никогда его не видел, поскольку доступ туда был строго ограничен, а нынешняя его должность – помощник коменданта, в соответствии с табелем о рангах, такой возможности не предоставляла. Для спецназа существовали совсем другие правила. Но следующая фраза майора Штанько разъяснила ситуацию:

– Я недавно, по своим делам, был в штабе КТО (Контр Террористической Операции) и случайно стал свидетелем разговора двух офицеров из оперативного, толи управления, толи отдела. Я в их кухне плохо кумекаю.

Они обсуждали некоего прапорщика с позывным Ярила, который здорово отличился в недавнем боевом выходе спецназа ГРУ для поиска и последующего «знакомства» с отрядом наемников из остатков Исламской Международной миротворческой бригады, ныне покойного Хаттаба. Выход оказался успешным. Отряд обнаружили и всех горных скитальцев зачистили. А сами вернулись без потерь и даже без раненых! И особо при том отличился прапор с позывным Ярила. Настолько здорово, что его представили к Герою России! Про остальных бойцов, правда, тоже не забыли: все были представлены к орденам. Только не скопом, а кто, какие награды заслужил, конечно! – Помощник коменданта вновь высветил свой железный, зубной мостик:

– Вы представляете, с той стороны более тридцати матерых, обученных арабов, а наших всего лишь десять спецов. И результат драки: наемники все до одного отправились в свои «райские кущи», а наши бойцы, что за ними охотились – в полном составе, без всяких потерь в лагерь вернулись! – Вадим чужим голосом с трудом выдавил:

– Представляю! – Известие о Герое России, которую только что поведал майор Штанько, была настолько неожиданной и ошеломляющей, что он на какое – то время потерял дар речи. А помощник коменданта уже не прятал свой железный, зубной заборчик. При этом его улыбка была вполне благожелательной:

– Так что теперь Ярила не просто славянский бог весны и солнечного света. Его ранг куда выше. Отныне Ярила – сначала Герой Российской Федерации, а уж потом солнышка и весны боженка: – Штанько, довольный своей шуткой, оглушительно заржал и хлопнул Вадима по плечу. Потом обернулся к прибывшему здоровяку, как бы приглашая присоединиться к его веселью, но тот приглашения не принял. Молча, стоял и поверх фирменных очков пристально и вроде бы уважительно глядел на прапорщика. Цвет глаз, как показалось Вадиму, был сродни цвету дождливого неба. И сигарету он держал как – то странно. Между большим

и безмяннным пальцами: указательный – отсутствовал напрочь. Помощник коменданта продолжал балагурить:

– Ты уж прости обычного майора, лучезарный Ярила, за то, что не приглашаю тебя к себе в кабину: тесновата она у меня. Только на меня и водителя рассчитана. Если бы заранее знал, кого встречаю – УАЗ комендантский прямо к самому трапу пригнал! И дорожку ковровую постелил! Следующий раз так и поступлю, а пока придется кузовом и тентом довольствоваться. Ехать – то до модулей, где спецназ обитает – всего ничего. Не успеешь по сторонам оглядеться, а мы уже на месте. Запрыгивай! Где остановиться – я точно знаю! – Кураж балагура был вовсе не обиден: в нем не было насмешки, и тем более издевки. Вадим широко улыбнулся:

– Ничего, мы ко всему привычные! Главное – грязь не месить и под дождем не мокнуть! А ковровая дорожка к трапу – это уже снобизм. А тому нам вовсе не учили! – Взял в руку баул, козырнул, как это и полагалось Строевым Уставом, и не спеша направился к заднему борту машины. Следом пристроился очкастый, самолетный попутчик. Помощник коменданта спрятал железные фиксы, высморкался при помощи пальца, перебросил «Абакан» под мышку и лихо запрыгнул в кабину ГАЗ 66.

К появлению чужака в кузове автомобиля, здоровяки отнеслись если и не особенно приветливо то, во всяком случае, спокойно. Приняли от него баулы, подали руку, помогая ему взобраться через закрытый борт, потеснились на правой по ходу скамейке и все это при полном молчании. Следом втащили в кузов старшего группы в неуместных, темных очках. Опять же молча, без слов и комментариев. Ему досталось место на левой скамейке. Вадима такое поведение попутчиков полностью устраивало: зачем заводить разговор, если через несколько минут они расстанутся, и каждый займется своим делом?

Гладкое, комфортное движение по ВПП (взлетно – посадочной полосе), продлилось не более двух минут. Далее, шестьдесят шестой вильнул влево, уходя на грунтовку, которая вела к полемому «городу», где ранее располагался Объединенный штаб СКво, а ныне – штаб КТО. Израненная траками многих БМД и колесами бесчисленных тяжелых автомобилей дорога, хотя была и короткой, но пассажирам в кузове пришлось не сладко. Мотало так, что приходилось хвататься друг за друга, чтобы усидеть на скамейках. Но Вадим к такому пути был привычный. Тесно, не комфортно, конечно, но зато на голову не каплет!

Глава 2

Помощник коменданта сдержал свое слово: высадил Вадима почти рядом с местом, которое было отведено для постоянной дислокации отряда спецназа ГРУ. Их земельный надел, размером примерно двести на сто пятьдесят метров, располагался на небольшом удалении от православной часовни, построенной Ульяновскими строителями и освященной благочинным отцом Назареем в прошлом, 2001 году. О том гласил текст на памятной доске на входе, который Вадим выучил наизусть в прошлых командировках.

Территория, в отличие от многих подобных в этом «вавилонском столпотворении» по выражению майора Штанько, была огорожена забором из колючей проволоки со шлагбаумом и караульной будкой на въезде. На ней, как по линейке были расставлены два жилых модуля, три хозяйственных (столовая, баня и туалеты) и два штабных, размером поменьше.

В полевом автопарке, в углу лагеря, в настоящий момент пребывали два УАЗ 469 и пассажирская «Газель» защитного цвета с красными, медицинскими крестами на боках. В другом углу – мини спортивный городок с необходимым набором тренажеров. Вся территория рассечена дорожками, отбитыми крупными булыгами и засыпанными мелким речным окатышем, добытым в русле реки Сунжа. К чему Вадим имел самое прямое отношение.

В прошлой командировке, будучи на отдыхе между боевыми выходами, ему дважды приходилось возглавлять отделение молодых солдат – срочников, откомандированных на речку для заготовки тех самых окатышей. Такие хозработы были не в тягость и воспринимались на «ура»: когда еще выпадет возможность поплескаться, пусть и в мутной, зато теплой, речной воде.

Кроме часового, спрятавшегося от дождя под грибок возле входа в штабной модуль, ни одного человека на территории лагеря видно не было. Безлюдье вещало, что основная часть спецотряда занята своим прямым делом: боевые выходы никак не связаны со временем года и не зависят от погоды за пределами жилых модулей.

Вадим представил себя на месте тех, кто сейчас пробирается по горным тропам или неподвижно лежит на раскисшей земле, выслеживая остатки банд «непримиримых борцов за независимость «Ичкерии», и колючая волна холода, на мгновение, сковала позвоночник. Но что поделаешь: у каждого своя работа. Кто – то у моря загорает, а кто – то по горам шастает! Тут, как говорится – кто на что учился!

Незнакомый младший сержант в будке при шлагбауме, просмотрев бумаги Вадима, закрыл форточку и крутнул ручку ТА-57. Сказал несколько слов в трубку, выслушал ответ, вновь открыл форточку и протянул документы обратно:

– Проходите в штабной модуль. Это прямо по дорожке. Там вас встретят. – Поправил бронезилет и потянулся за початой бутылкой «Спрайта»: – Вас проводить? – Вадим усмехнулся:

– Спасибо, сам найду. Тем более, что эти дорожки я сам в прошлом году в начале лета отсыпал. Какая куда ведет – на всю жизнь запомнил. Так – что не заплутаю!

На пристроенном к штабному модулю деревянном крыльце стоял молодой, бравый офицер в новеньком камуфляже и без головного убора. Португепя – непривычного, густого, желтого цвета. На правом боку – Стечкин в деревянной кобуре. Незнакомец внимательно, с высоты крыльца оглядел визитера и только после этого приветливо взмахнул левой рукой:

– Прапорщик Ярилов? А мы тебя ждали ближе к ночи! – Кто такие «мы» он пояснять не стал, а Вадиму переспрашивать почему – то не хотелось. Бравый военный ему не понравился с первого взгляда. Уж слишком в картинной позе он стоял: ноги на ширине плеч, левая рука в бок уперта, а правая – на рукояти Стечкина. Ну, прямо Клинт Иствуд из голливудского вестерна! Цирк, да и только! Не смог сдержаться и по – детски съязвил:

– Извините уважаемый, вы стоите так высоко, что отсюда я не вижу вашего звания, но вынужден огорчить: или вы ждете кого – то другого, или – ошиблись! Я не прапорщик Ярилов, а старший прапорщик Ярилов. Если вам известна моя фамилия, то и звание вам тоже должно быть известно. А может, вы встречаете моего однофамильца и он в другом звании? Тогда вы не по адресу, но в том моей вины нет! Ждите и далее: может он, как раз – то к ночи и объявится:

– Лицо «ковбоя» пошло красными пятнами, губы шевелились, но голоса слышно не было: такого ответа он не ожидал и поэтому впал в короткий ступор. Через несколько мгновений ему удалось взять себя в руки. Тело само по себе приняло строевую стойку, правая рука покинула рукоять пистолета и, как бы приглашая Вадима, развернулась в сторону двери:

– Проходите! Мы ждали именно вас! Я – представитель Особого отдела, старший лейтенант Левочкин – и после паузы добавил: – Кирилл! – Вадим широко улыбнулся:

– Боец Н – ской бригады спецназначения, Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба – старший прапорщик Ярилов:. И после паузы: – Вадим! – Ладони сошлись в крепком рукопожатии: знакомство состоялось!

В командирском отсеке, куда Вадима проводил особист Левочкин, пахло табаком, кофе и оружейным маслом. Напротив огромной карты Северного Кавказа, спиной к двери, стоял начальник штаба бригады подполковник Серебрянский Сергей Николаевич, (позывной Сунжа), который возглавил нынешнюю смену спецназа. Этого боевого офицера Вадим хорошо знал и относился к нему с большим уважением. Вторая и третья его командировка на Северный Кавказ проходила именно под руководством начальника штаба, и в обоих он показал себя опытным и решительным командиром, способным тщательно планировать боевые выходы и излишне подчиненными не рисковать.

В потере двух офицеров в третьей командировке – его вины не было: оба погибли при огневом контакте с боевиками. Война – есть война и без потерь она не бывает. Прапорщик же лишился ноги по собственной неосторожности и элементарной потере бдительности: покидая давно заброшенный боевиками блиндаж после его досмотра, не заметил открывшегося датчика цели американской мины VS 50, установленной возле тропы еще в первую чеченскую кампанию.

В отсеке, кроме подполковника Серебрянского, за столом сидели: начальник разведки бригады, капитан Рыбкин, позывной «Акула» и офицер оперативного отдела бригады майор Чичиков, позывной «Сорока». Оба внимательно следили за зеленой точкой маркера от электронной указки, бегающей по карте. При появлении в отсеке Вадима, начальник штаба выключил указку и скрыл карту за синими шторками:

– Товарищ полковник! Старший прапорщик Ярилов прибыл в Ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы! – На то, что он повысил начальника штаба на одну ступень в звании, никто внимания не обратил. В армии такое практиковалось сплошь и рядом. Что проще выговорить в боевой обстановке: подполковник или полковник? Вот то —то и оно!

Серебрянский положил тубик указки на стол между пузатым монитором и стопкой разноцветных папок и только после этого приветливо улыбнулся Вадиму:

– Кто это к нам пожаловал? – Крепко пожал руку, и даже приобнял за левое плечо:

– Наконец – то к нам вернулся солнышко ясное, свет Ярила! А то, как уехала ваша смена и ты вместе с ней – так сразу зарядил этот противный дождь и конца – краю ему не видно! Единственная надежда унять его – это ты! Надеюсь, что уже завтра с ним будет покончено, и мы вспомним, что до осени целых три недели и что лето своих прав еще не сдало! Выручай нас брат, Ярила. Не дай нашим спецам превратиться в мокрых куриц! – Подполковник говорил громко, весело, но глаза смотрели цепко и серьезно. Приветливая улыбка никак им не соответствовала. Обернулся к сидящим офицерам:

– Ну, все, мужики. Я вас больше не задерживаю. Пока занимайтесь своими делами, но далеко не отлучайтесь. Возможно, вы еще мне понадобятся.

Офицеры загрели стульями. Проходя мимо прапорщика, приветственно жали ему руку, улыбались и покидали отсек. Вадима они знали. У двери продолжал стоять представитель особого отдела.

Серебрянский сел за стол, отодвинул коврик «мышки», достал пачку сигарет «Ява», выловил из неё последнюю, с удовольствием задымил. По – хозяйски кивнул Вадиму и особисту:

– Ну, что стоите? Занимайте освободившиеся места. Подымим, пошепчемся, новости свежие обсудим. Ярилов, вон от нетерпения и неизвестности – копытом линолеум скребет. Чует, наверное, что его жизнь скоро и кардинально поменяется! – Встал, приоткрыл, густо замазанное с внешней стороны белой краской окно и бросил на стол нераспечатанную пачку «Ростова»:

– Сам себе удивляюсь: с чего это я такой добрый? – Из ящика стола извлек пузатую бутылку коньяка, с хрустом свернул пробку:

– «Ахтамар»! Настоящий, не паленка! Мне его друбан, однокашник по академии, из самой Армении подогнал. Уже неделю на него облизываюсь, слюной от жажды захлебываюсь, но поскольку сам решил, что башку ему скручу только в особом случае, стараюсь даже ящик не открывать без крайней надобности. И сам не верю, но – сохранил! – К бутылке присоединились три стограммовых, граненых стаканчика из толстого, прозрачного стекла и тут же наполнились до краев. Подполковник встал. За ним потянулись Вадим и Левочкин:

– Давайте, хлопцы! Первый – без тоста. Тост будет, когда нектар в бутылке к самому доньшку приблизится, а наш душевный настрой в соответствие придет! – Понюхал продукт армянского виноделия и с видимым удовольствием отпил половину. Еще раз понюхал янтарную жидкость, цокнул языком и от удовольствия прищурил глаза. Кирилл с Вадимом последовали его примеру. Коньяк действительно был хорош. Послевкусие – выше всех похвал и закуска к не требовалась.

Было заметно, что НШ в мыслях очень далек и от редкого коньяка «Ахтамар» и сигарет «Ростов». Но все – же вернулся с небес на землю, затушил недокуренную «Яву», заменил её «Ростовом» и чиркнул зажигалкой. Кирилл и Вадим последовали его примеру. Через минуту в отсеки от дыма начало щипать глаза, но на это внимания никто не обратил. Странностей хватало, и курение в кабинете начальника штаба из этой обоймы не выпадало. Серебрянский пыхнул серым облачком дыма в сторону форточки и улыбнулся вполне дружелюбно:

Глава 3

– Ну, что же: ценю, Вадим, твою врожденную деликатность и ангельское терпение. Молодец! Уже десять минут у командира в кабинете – и ни одного вопроса! Даже на мой заброс, о скором изменении твоей жизни, ты огромный болт забил! Никакого любопытства и волнения. Это говорит о том, что с нервами у тебя все в порядке. Хвалю! – Вадим напрягся, но вида не подал: начальник штаба впервые за время совместной службы обратился к нему по имени. Тем более что в бригаде знали: субординация для подполковника Серебрянского — все равно, что для индуса священная корова. А если учесть еще и угощение фирменным, армянским коньяком, то надо будет признать: он ведет себя – более чем странно. Следовало ждать чего – то из ряда вон выходящего.

Ждать, так ждать! А этому Вадим был хорошо обучен. Ожидание, одно из главных качеств его профессии: – «Снайпер, не умеющий терпеливо ждать – никакой не снайпер, а просто меткий стрелок!» – Так его учили наставники. Подполковник вновь выпустил плотное облако дыма и забарабанил пальцами по полировке стола:

– Ну не буду тебя томить и начну с последней новости. В том, что тебя вернули на Кавказ, не дав отдохнуть после предыдущей командировки – вины командования бригады нет. Решение принимали на самом высоком уровне, и корни его находятся в Москве, в центральном аппарате. Мне, о скором твоём возвращении в Грозный, сообщили только вчера и без всяких подробностей.

После получения шифровки, примерно через час, по спутнику мне позвонил наш комбриг. Звонок короткий и ясности не добавил: встретить, разместить в расположении отряда, выдать оружие и боеприпасы, экипировать по твоему требованию и ждать дальнейших, высоких распоряжений. Вот так: коротко и непонятно! По всей видимости, комбриг знал не больше моего.

Если хочешь знать мое мнение обо всем этом – я тебе отвечу: на территории Чечни готовится какая – то сверхсекретная операция, и твое участие в ней напрямую санкционировано руководством ГРУ. Но это мои предположения, мои догадки. Более мне сказать тебе нечего.

Может у контрразведки, есть какие-либо соображения или сведения, интересные моему, здесь присутствующему, подопечному? Если это не страшная Государственная тайна, то поделись с нами. – Левочкин хмыкнул и отрицательно покачал головой:

– Нечего мне сказать! И добавить, к сказанному вами – нечего. Мои предположения и домыслы, не представляют интереса, поскольку не имеют под собой достоверной информации от вышестоящего начальства. Я согласен с вашим мнением о скорой, важной операции, но её цель, место и время проведения – для меня такая, же тайна за семью печатями, как и для вас. Лично мне поставлена конкретная задача: обеспечить надзор и должное сопровождение прапорщика Ярилова во время его нахождения в Ханкале, в вашем лагере. Чем я с сегодняшнего дня и намерен заняться, а что будет происходить далее – не моего ума дело. Не мой это уровень, чтобы до меня доводили такие сведения! – Начальник штаба понимающе кивнул головой, но любопытство заставило уточнить у молодого контрразведчика:

– А что означает в вашем лексиконе – «должное сопровождение»? – Левочкин вновь хмыкнул и отвернул голову в сторону окна, давая понять, что ответа не будет. Мол, догадайтесь сами, если данный вопрос вас так напрягает и волнует. Подполковник сердито засопел, сморщил кожу на лбу, но настаивать на ответе не стал:

– Ну и ладно! Оставим наши гадания, все равно толку от них – ноль. Как говорится: будет день – будет пища. Вот и давайте ждать наступления того дня, который даст нам пищу для объективного анализа. – Серебрянский отсалютовал рюмкой и расправился с остатками коньяка.

– А вы чего сидите, как не родные? Без тоста пить отвыкли? Будет вам тост, только рюмки для него освободите! – Подождал исполнения своей команды и поровну разлил остатки Ереванской роскоши. Встал, держа стаканчик двумя пальцами у самого доньшка, и заговорил голосом, в котором явственно звучали несвойственные для подполковника торжественные нотки:

– Вы помните мой рассказ об этой бутылке с божественным напитком? Я давал себе слово, что откупорю её только в особом случае. Так вот: он настал! – Позволил себе короткую паузу и продолжил речь, на манер штатного замполита на торжественном собрании:

– Наша бригада специального назначения, в которой мне довелось честь служить, еще молода: со дня её создания прошло всего – то неполных четыре года. Но у неё уже есть своя боевая история, и ей она может гордиться!

Многие из тех кто служил в ней ранее и служит в ней сейчас, за свои ратные дела награждены боевыми орденами и медалями. Некоторые – неоднократно! – На щеках начальника штаба, толи от волнения, толи от армянского нектара, выступил легкий румянец. Он позволил себе еще одну паузу и уже другим голосом добавил: – А некоторые – посмертно. – Провернул меж пальцев доньшко стакана. Голос вновь обрел прежнее звучание:

– Мы их всех знаем поименно, и живых и мертвых. Помним и гордимся ими. Честь им и слава! И на любом застолье будет звучать тост в честь наших, отличившихся в операциях товарищей. Но эту рюмку я хочу выпить за конкретного человека, с которым меня свела судьба. Человека, который с молоком матери впитал в себя такие понятия, как долг, честь и воинское братство. Человека, с которым всегда можно идти в разведку, который в любом случае прикроет твою спину. За Ярилова Вадима Викторовича, первого бойца в составе нашей бригады, которого представили к званию – Герой России! – Нарушая традицию прятать рюмку в кулаке, коснулся открытым стеклом рюмки Вадима, затем Кирилла, лихо вылил коньяк в рот и грохнул её об пол. Только брызги полетели!

Вадим выпил, но рюмку бить не стал: аккуратно поставил её на стол. В груди пело и дрожало от услышанного, от навалившего восторга, от гордости за самого себя. А подполковник, тыльной стороной ладони утерев губы, обнял заметно растерявшегося виновника торжества и расцеловал его в обе щеки:

– Даже не сомневайся, Вадим! Все будет так, как я сказал. Вчера я звонил в Москву, своему дяде. Он у меня большая шишка в Министерстве Обороны. Так вот: твое представление к Герою прошло через необходимые инстанции и сейчас находится в Кремле. Готовься к скорой встрече с самим президентом! – Вадим растеряно улыбался: случайно услышанный помощником коменданта разговор в штабе КТО – это далеко не то, что информация от начальника штаба их бригады. Теперь в то, что вокруг него происходит, он поверил окончательно и бесповоротно.

Серебрянский вернулся в свое кресло. Поднял трубку телефона внутренней связи и задал короткий вопрос невидимому собеседнику:

– По Ярилову все вопросы решены? – Некоторое время он прижимал трубку к уху, причем так плотно, что присутствующие не слышали ни одного звука из телефонного динамика.

В полном молчании минуло пара минут, а затем начальник штаба занервничал. На лбу нарисовались парочка глубоких морщинок, брови сошлись в одну линию. Потянулся к пачке сигарет, но передумал и отдернул руку:

– Твою мать, Федорук! Я же тебе ясным, простым, русским матерным языком сказал: второй, пустующий модуль! Более того я, для особо продвинутых, но непонятливых уточнил: двухместный отсек, куда мы обычно офицеров из проверяющих комиссий селим. И чтобы там были холодильник и телевизор, желательно исправные. Ну что тебе непонятно? – Прервал речь, выслушивая ответ неведомого Федорука, а затем вспыхнул по – настоящему:

– Что ты мне горбатого лепишь? Как это нет исправных? Я смотрю, ты совсем нюх потерял. Никакого порядка! Да, и откуда у тебя тот порядок возьмется, если ты больше времени проводишь возле госпиталя и прачечной, разглядывая в бинокль задницы молодых медсестер и прачек, чем на своем хозяйстве! Делом заниматься надо, а не дробить в кулак, от увиденного в оптику! Несколько секунд слушал, а затем грохнул ладонью по столу:

– Все, хватит! Ты меня уже достал! Плазму из своего отсека перенесешь! В скором времени она тебе не понадобится. И Бородаенко заодно обрадуй: вместе в горы прогуляетесь, жирок немного растрясете. Биноклем вы ведь по очереди пользуетесь? Вот и будете, по очереди, для боевой группы минометные плиты транспортировать.

Кстати: вот и исправный холодильник я вам нашел! У Бородаенко, в личном отсеке шикарный «Аристон» без пользы простаивает! Вдвоем в пустующий жилой модуль доставку осилите? Не слышу ответа!

– Ну, вот и славненько! Через тридцать минут жду от тебя доклада! Ярилов примет укомплектованный отсек лично от тебя. По описи! Я его проинструктирую, как правильно надо принимать! – С треском положил трубку на аппарат:

– Совсем оборзели хозяйственники! Мы уже здесь неделю, а у меня руки до них все никак не дойдут. Они ведь на смену прибыли еще в начале весны. За это время успели неплохо обжиться, присмотреться и понять, откуда ветер дует.

Нас ведь через пару – тройку месяцев меняют, а у них совсем по другому графику ротация. Времени у них больше для того, чтобы корни и щупальца глубже в землю пустить и хлебные тропинки освоить. Управы на них нет! – Было заметно, что начальник штаба рассержен не на шутку:

– Вот я пригрозил им прогулкой по горам, а они, втихую, посмеиваются над такими угрозами. Точно знают, что абы кого спецназ на боевой выход не берет! – Неожиданно подал голос, молчавший до этого старший лейтенант Левочкин:

– Сергей Николаевич! Я не ослышался, что Ярилова вы определили в двухместный отсек? Может и мне в нем место найдется, если конечно он не против такого соседства? Вдвоем, все – таки, веселее! – Вадим пожал плечами, тем самым показывая, что на такое подселение он согласен. – Подполковник махнул рукой:

– Ну, вот и ладушки! Будем считать, что с размещением вас – вопрос окончательно решенный. С завтрашнего дня вы на полном котловом и вещевом довольствии. Оружие и тир тоже в полном вашем распоряжении. Одна просьба: поменьше светитесь вне нашей территории. Да и по своей земле парадным шагом ходить не рекомендую.

Глава 4

Ко второму, нежилому модулю вела узкая, мало хоженная дорожка из тех же самых голышей – окатышей сквозь которые, местами, уже начала пробиваться молодая трава. Так уж сложилось, что предыдущая смена уступала место для жилья в первом модуле – последующей, а стоящий рядом второй модуль оставался пустым, в ожидании «лучших» времен, когда жизнь потребует увеличения численности спецназа. Пока, слава Богу, обстановка в зоне КТО этого не требовала.

Прапорщик Федорук встретил их на входе в модуль. В руке он держал приличную связку разнокалиберных ключей. Возле ноги стоял точно такой же баул, каким пользовались и Вадим с Левочкиным. Этого коротышку прапорщика с круглой, лысой головой и животом, коему было тесно под камуфляжной курткой, Вадим несколько раз видел в прошлой командировке, но знаком с ним не был, и даже ни разу с ним не разговаривал.

Дверь в пустующий модуль была распахнута настежь, и из неё тянуло затхлостью нежилого помещения. Отсек куда их проводил Федорук, светя себе и им под ноги фонариком, находился почти по центру модуля: сразу за умывальником и пустующей комнатой для хранения оружия и боеприпасов.

Когда Федорук шелкнул выключателем – Вадим застыл на пороге от изумления. Это был не отсек: это был VIP отсек! Под потолком сияла пяти рожковая люстра, линолеумный пол почти полностью скрывался под широченной ковровой дорожкой. На стене довольно приличная плазменная панель, в углу двухметровый, зеленый холодильник. Две новые деревянные кровати, вместительный, темный шкаф, современный телефонный аппарат на прикроватной тумбочке и низкий полированный столик – довершали убранство приюта для проверяющих особ. Пожив в таком люксе, у проверяющей комиссии наверняка не поднимется рука поставить низкую оценку!

Тем временем прапорщик Федорук приступил к сдаче отсека: включил телевизор и настежь открыл для обозрения совершенно пустой «Аристон». Потоптавшись на ковре, засветил оба прикроватных бра, поднял, послушал и положил трубку телефона. При этом на его лице без труда читалось искреннее недоумение: как это мог начальник штаба поселить в «генеральский» номер столь мелкого по званию офицера и с ним прапорщика, которого он где – то видел, но вот вспомнить где – никак не получалось.

Кряхтя, наклонился над своим баулом и начал выкладывать из него в холодильник увесистые свертки, завернутые в пищевую, пергаментную бумагу. При этом он вначале нюхал, а затем комментировал каждую закладку: семга копченая, слабосоленая; колбаса сыровяленая; ветчина из хрюшки; сыр голландский; индейка, копченая по особенному рецепту; печеночный паштет с чесноком; масло сливочное; сервелат финский.

Сделал небольшую паузу, и в чрево холодильника пошли продукты в заводской упаковке: жестяные банки, картонные коробки и коробочки, тюбики с импортными соусами и кетчупами. Парад деликатесов завершали две бутылки «Гжелки», две коробки зефира в шоколаде и коробка с вафельным тортом. Про упаковки с соками, неизвестный благодетель тоже помнил.

Вадим стоял столб – столбом. Ему казалось, что он спит и видит расчудесный сон. Такого быть не могло, потому что не могло быть в принципе! Вокруг – война, кровь, цинковые гробы и изнуряющие, смертельно опасные выходы в горы. Причем здесь «Аристон», забитый по маковку продуктами, вкус и запах многих из них он в своей жизни не знал и не нюхал?

Но – было! И никакой это не сон! Только взгляни на потное лицо и размазанную по нему подобострастную улыбку прапорщика Федорука и сразу поймешь, что все это происходит здесь и сейчас. Никакого намека на морок или мистику!

Левочкин, подпиравший во время загрузки холодильника дверной косяк, отклеился от него и шагнул вглубь отсека:

– И что, вы всех прикомандированных так принимаете? И в каких таких закромах вы такие вкусности добыли? На полках нашего военторга, что – то я такого ассортимента никогда не видел и не припомню ничего подобного. – Взгляд Федорука вильнул из стороны в сторону:

– Не всех, в только тех на кого начальство пальцем укажет. Мы, старожилы, народ не только гостеприимный, но и исполнительный: как нам велят – так мы и делаем! Кого, где и как принять – не нашего ума дело.

А насчет продуктов, – на Центральном продскладе, с недавнего времени только птичьего молока нет. Президента ждем в «гости», вот и затарили склады, по самое не могу! Приноси писульку с печатью от начальства, и тебя отоварят по каждому, указанному в ней пункту! – Говорил, а сам пятился, спиной вперед, к входной двери:

– Вы уж извините, если что не так. Я – человек маленький, но стараюсь выполнить все, что мне прикажут. В точности и вовремя! – Толкнул задом дверь, и прежде чем исчезнуть из отсека пробубнил:

– Ключи от номера на столике. Будете уходить – запирайте. Хотя, у нас насчет этого спокойно, но мало – ли что! – В пустом модуле шаги уходящего прапорщика сопровождались гулким эхом. Левочкин легонько пнул ногой свой баул:

– Ну что, давай располагаться? Потом накатим по рюмочке, перекусим тем, что нам бог послал, а прапор доставил – и в коечки! Что – то я сегодня подустал от насыщенных новостей и неожиданностей. Да и подумать над тем, что происходит – не вредно! – Вадим, против такого плана, возражений не имел.

Будильник, установленный в подкорке сознания Вадима, сработал минута в минуту: ровно в семь часов утра. Сквозь мелкие полыньи, небрежно покрашенного зеленой краской окна, во всю пробивались острые лучики августовского солнца. Было понятно, что это единственное, ослепленное краской окно «VIP-номера», смотрит на восток. В этих лучиках, в развеселом танце, словно искорки мельтешили невесомые пылинки.

Вадим поглядел в сторону кровати Кирилла. Возле неё, на ковре, лежала пустая пистолетная кобура. Рукоять Стечкина торчала из – под подушки. Сам же Левочкин лежал без одежды в позе эмбриона: перед утром похолодало, вот и продрог контрразведчик, досматривая предрасветные, сладкие сны.

Желание посетить спортивный городок и хорошенько размять мышцы на местных тренажерах – имело место быть, и Вадим не стал ему противиться. Кроссовок на босые ноги и штанов от спортивного костюма, которые всегда имелись в его бауле, для посещения тренажеров было вполне достаточно. Ярко светило солнце, щебетали утренние птицы, настроение было под стать утру, и Вадим быстро облачился в «спортивную» форму.

Перед тем, как покинуть отсек, аккуратно, чтобы не будить Кирилла, укрыл его одеялом. Не тут – то было: Кирилл спал очень чутко. Еще не открыв глаза, его рука метнулась под подушку, но признав Вадима – мгновенно вернулась на место. Вадим усмехнулся:

– Вставайте, граф! Рассвет уже пощелтается! Нас ждут великие дела! – Улыбнулся во весь рот:

– Не желаете – ли проследовать на свежий воздух к тренажерам? – Кирилл сладко зевнул и тут же насупил брови:

– Я, что, на дефективного похож? Или на сына нищих родителей? Какой нормальный человек в такую рань кровать покидает! Это ты, языческий бог солнца, обязан ни свет, ни заря за народом бдеть и железо, почем зря, тревожить. Мне иное полагается: утренний кофе с булочкой и мягкая постель с дурочкой! Гуляй без меня! Как говорится: кто на что учился! – Натянул одеяло на голову и отвернулся к стенке.

Вадим заржал на манер легендарного коня Буцефала и направился к выходу. Вслед ему донеслось ехидное хрюканье неженки и лентяя.

Спортивный городок был пуст, как морской пляж в зимнее время. Все тренажеры, установленные на бетонированной площадке, были в полном его распоряжении. Памятуя, что силовой зарядкой он не занимался уже недели две, решил сильно не нагружать обленившиеся мышцы. Три – пять минут на одном тренажере и, не давая телу остыть – спешный переход к следующему. Сделав два круга и добившись обильного выделения пота, посчитал, что задачу, поставленную перед собой, он успешно выполнил. Постоял несколько минут под утренним солнышком и направился в хозяйственный железный модуль, который служил для спецов баней.

Надеяться на продолжение вчерашних чудес, что ради них с Кириллом будут топить печь и греть воду, было в высшей степени глупо. Но это его совершенно не огорчало: графом он себя не считал и запросто мог мыться и под холодной водой. Что он и проделал, зарядив себя на весь день дополнительной энергией и возбудив воспоминания о времени, проведенном с женой за цветастой ширмой. Скрыть результат возбуждения, бугор на штанах – потребовал некоторых усилий. Поскольку полотенце он с собой не брал, баню пришлось покинуть с влажной головой и мокрым торсом. Открыв дверь своего отсека, Вадим удивленно замер: Кирилл, предпочтший утомительной зарядке сладкий утренний сон, полностью одетый сидел за столом и что – то внимательно разглядывал. Завидев вошедшего, сделал круглые глаза и приложил палец к губам, призывая Вадима к осторожности в разговоре:

– Ну, Ярилов, ты и садист! Разбудив меня, прервав эротический сон на самом, что ни на есть интересном месте – сам сбежал качаться на тренажерах, а я после того, так и не сумел заснуть. Век тебе этого не прощу! Только шикарная девочка трусики с себя совлекла, а тут ты, со своим долбаным одеялом. Одним словом – садист! Пойдем, что ли свежим воздухом подышим, заодно и перекурим. – Сгреб что – то со стола и зашагал на выход. Выйдя из модуля – открыл сжатую ладонь. В ней покоилась черная таблетка, размером не более монеты достоинством в один рубль. Подбросил в воздух, ловко поймал её в другую ладонь и в усмешке скривил губы:

– Жучек. Кто – то, вельми любопытный, желает слушать, о чем говорят в нашей с тобой обители! А вот это уже непорядок. Это есть не что иное, как неприкрытое вмешательство в личную жизнь двоих военнослужащих. Или, говоря языком контрразведчиков – скрытый сбор разведывательной информации. А если совсем просто— шпионаж! Прием старый, как мир!

Глава 5

Некоторое время молча пускали дым в небо. Вадим докурил сигарету первым:

– И где ты этого шпиона надыбал?

– В самом удобном и прогнозированном месте – в люстре. Особо и не искал. Я еще вчера, при вселении, обратил внимание на песок, что оставили на сидении стула. Мне сразу стало интересно: кому и зачем понадобилось становиться на стул в грязных берцах в нежилом отсеке?

Ответ «зачем» нашелся сразу: эта штучка покоилась рядом с лампочкой, в плафоне. Её замаскировать даже и не пытались. А зачем? Кому придет в голову, лезть под самый потолок и осматривать источник света? Вот «они», или «он» – не стали особо заморачиваться: пристроили «жучка» в плафон и на этом успокоились. Или дилетанты, или лентяи. Либо инструктаж исполнителей, перед установкой «уха» был не к черту!

Закладка свежая. Жука ставили совсем недавно. От одного до трех дней назад. Пыль не успела сесть на следы, после их работы. При чем работали в перчатках: «пальчиков» нам не оставили. – Вадим с интересом рассматривал атрибут шпионских игр:

– Это серьезный аппарат?

– Так себе. Не супер, но и не театральный реквизит. В радиусе сотни метров, сиди в машине или в модуле, приложив к уху штатный приемник, и слушай или пиши на носитель все, о чем говорят в этом номере. Качество звука – как будто ты находишься в отсеке. Такие игрушки можно свободно купить на Ростовской барахолке, баксов за тридцать – пятьдесят. Как сможешь договориться. Китайская «лицензионная» штамповка: работает недолго, но качественно. – Вадим с уважение поглядел на Левочкина:

– Лихо ты все это провернул! Вот бы еще найти, кто его устанавливал, или того, кто нас собирався слушать. – Кирилл поскреб ногтем небритый подбородок:

– Бум стараться в этом направлении! А сейчас, понесли его обратно. Включим – и на старое место. Пусть себе жужжит дальше! Но с этой минуты – ни одного неосторожного слова в разговоре. Ведем себя так, как – будто ничего о его присутствии мы не знаем. Прежде чем фразу молвить – семь раз думаем, в уме её смысл на вкус пробуем, а затем уж произносим! А чтобы не ошибиться и в дерьмо не вляпаться – будем стараться, как можно меньше в нашем VIP номере находиться, а значит и разговаривать на микрофон. Береженого – бог бережет!

А я сегодня человека одного в гости приглашу. Пусть он в наше отсутствие, хитрым прибором порыскает. Вдруг в нашей шикарной комнате, еще и другие сюрпризы имеются!

Да, звонили из столовой, на завтрак приглашали. Так – что давай братан поспешать: война – войной, а завтрак, сам знаешь – по распорядку!

На предложение Вадима составить ему компанию посетить стрелковый тир, или как именовали его сами участники КТО – пулевое стрельбище, Кирилл согласился без колебаний, правда, с условием, что к обеду они вернуться на место: после обеда он должен присутствовать в особом отделе КТО на совещании. Чувствовалось, что посмотреть на боевую работу снайпера, уже ставшего «живой легендой», ему очень хотелось.

Пулевое стрельбище находилось в двух километрах от лагеря, за бетонкой ВПП. Это если идти строго по прямой. На деле все выглядело несколько сложнее: появление на аэродроме посторонних лиц, без специального разрешения, было строжайше запрещено и добраться до тира можно было только окружным путем. А это уже не два километра, а вдвое больше!

Конечно, Вадим мог обратиться к начальнику штаба и он бы, вероятно, не отказал ему в транспорте, но он этого делать не стал. Судя по всему, его комфортной жизни, в скором

времени придет конец, а значит надо восстанавливать необходимую для спецназовца форму. Козе понятно, что поход на стрельбище её не восстановит, но возникшие проблемы высветит.

В оружейной комнате первого модуля, в котором жила нынешняя смена спецназа, он получил оружие, которое он запланировал пристрелять лично для себя: снайперские винтовки ВСС (в привычном названии – винторез) и СВДС. Подумал и добавил к ним родного брата ВСС – автомат специальный «Вал».

Прапорщик – оружейник, очевидно извещенный о визите Вадима, молчаливо выдал выбранное оружие и боеприпасы к нему, предварительно дав ему расписаться в нужной книге. Загрузив на себя винторез и СВДС, и доверив «Вал» Левочкину, Вадим строгим тоном объявил:

– До стрельбища движемся ускоренным темпом, то есть – бегом. Темп – средний! Будешь отставать, контрразведка, я тебя ждать не буду: мне свои ноги и легкие проверить надо. Как только выйдем за пределы лагеря – стартуем. На меня не равняйся и за мной не тянись. Если станет невмоготу – остановись, отдышись: умирать тебе без надобности, да и рано!

К вящему удивлению Вадима, Кирилл во время кросса держался молодцом. Почти половину пути он слышал за спиной его сопение, но потом он стал отставать. Желание полнее проверить свои возможности, заставило Вадима увеличить темп. Достигнув горловины пулевого стрельбища, он обернулся. Левочкин отставал метров на двести, но не сдавался, хотя даже с такого расстояния было видно, как ему тяжело даются последние метры марш – броска. Сила воли у старшего лейтенанта присутствовала, а это вызывало искреннее уважение.

«Хозяин» стрельбища, пожилой, усатый, старший прапорщик, очевидно заранее тоже предупрежденный кем – то из руководства отряда, споро укрепил несколько мишеней, на торцах горизонтально уложенных бревен. По просьбе Вадима он постелил стрелковые коврики, роль которых выполняли обычные солдатские плащ – палатки, на трех дистанциях: шестьсот, четыреста и триста метров от мишеней. Покончив с подготовкой к стрельбе, старший прапорщик занял место у подозрительной трубы, установленной на высоком штативе.

Стрелял Вадим быстро. Казалось, он не целится, а просто проверяет каждое оружие на способность воспламенить порох в патроне: по два щелчка из ВСС с малых дистанций и два выстрела из СВДС с шестисот метров.

На всех видах оружия, из которых Вадим стрелял, имелись оптические прицелы. Тем не менее, результаты его стрельбы комментировал усатый хозяин стрельбища: девятка на пол – пятого, десятка! Десятка, десятка! Восьмерка на пол – второго, девятка на пол – третьего.

Вадим, находясь на рубеже шестьсот метров, хмыкнул, пару секунд поколдовал над прицелом СВДС и тут же, почти слившись в один, прогрохотали еще два выстрела. Прапорщик оторвался от тубы подозрительной трубы и восхищенно крякнул:

– Снайпер – он и в Африке снайпер! Почти одна в одну: и обе в яблочко. Классно работаешь, сынок. Почти, как я в молодости! – Под пшеничными усами расцвела добрая улыбка. Кирилл не остался в стороне: ткнул ногой Вадима по плечу и скопировал его недавнюю похвалу:

– Лихо ты все это провернул! Я о такой стрельбе от знакомых слышал, а наблюдать лично – не приходилось. Представляю, какой ты ущерб государству Российскому нанес: чтобы так научиться пулять – вагон патронов сжечь надо! – И весело рассмеялся. Вадим шутку понял, но не стал комментировать. Поднялся с коврика и протянул Левочкину «Вал», пустой магазин и початую коробку с патронами:

– Чем лютую зависть смехом прикрывать, лучше сам попробуй. Если хоть раз в мишень попадешь – собственная гордыня мои успехи медным тазом накроет! Лупи с двухсот, но только одиночными. Помни: боеприпасы дефицитные и каждый выстрел бешеных денег стоит. Если за промахи рублем наказывать – зарплата не хватит расплатиться!

И не забудь после стрельбы гильзы стрелянные собрать. Мои тоже. Должно быть ровно двадцать штук. Мне за каждый выстрел перед оружейниками отчитываться надо.

Обратный путь в лагерь они проделали обычным, походным шагом. Возбужденный недавней стрельбой (из шестнадцати выпущенных пуль, в мишени отметились двенадцать!), Кирилл говорил не умолкая, на все лады нахваливая новое для него оружие. А иначе не могло быть: автомат специальный (АС) «Вал» в войска не поступал. Им вооружали исключительно подразделения специального назначения.

Слушая его разглагольствования, Вадим улыбался. Походом в тир он тоже был доволен: стрелковые навыки не утеряны, а шероховатости в физической подготовке, можно устранить за неделю. Утром и вечером по десять километров и все станет на места.

Уже при подходе к лагерю, по ушам ударил грохот артиллерийского залпа. Через пол – минуты еще залп, и еще один. Вадим на слух определил, что скорее всего это бьет САУ «Гвоздика» и огонь ведут не менее трех установок. В какую сторону улетели 122мм снаряды, понять было невозможно. Да и зачем? У каждого свои задачи. Жизнь продолжается!

Августовское солнце припекало не на шутку. Возле входа в их модуль сидел рыжий воин лет тридцати в камуфляжной, летней майке. Лежащая на ступеньке, аккуратно свернутая куртка скрывала что – то выпуклое, своими контурами напоминающее противотанковую гранату или бутылку. При их приближении, рыжий лениво поднялся и представился:

:– Прапорщик Бородаенко! Пришел поинтересоваться, как у вас с продуктами? Если закончились, или еще чего желаете – могу поднести. Я за ваш продовольственный паёк в ответе, так – что не стесняйтесь! – От рыжего прапорщика явственно пахло свежим спиртным духом. Скорее всего – пивом. Губы Кирилла растянулись в улыбке:

– Интересно: кто же это перепутал нас с космонавтами? Или даже с астронавтами? Такой паек только в космосе и только им положен. Хотя нет. «Гжелка» в том пайке точно не значится! А вот пиво? Пусть и местного производства и не охлажденное до зубной боли? Сойдет и комнатной температуры!

Глава 6

Грохот повторного залпа гаубиц вновь ударил по ушам. Через равные промежутки времени, еще два залпа и – тишина. Прапорщик на гаубичные причуды внимания не обратил. Даже ухом не повел. Достал из кармана массивный, похоже серебряный портсигар с арабской вязью на крышке и полумесяцем, инкрустированным несколькими зелеными камнями. Выудил из него толстую сигарету без фильтра и с удовольствием закурил:

– На космонавтов вы действительно не похожи. Если только на аргонавтов, тех, что с чудищами приплыли драться. Да и то только издали. Вблизи – обычные спецназовцы, но плотно прикрытые крылом большого начальства. А почему, по правде сказать – мне до лампочки. Мое дело обеспечить вас всем, что пожелаете. На это я имею конкретный приказ начальника штаба. И чтобы я репу чесал, думая о причинах такого гостеприимства – в нем не слова! – Пыхнул сизым дымом, затушил окурочек об подошву берца: – Так что вам еще притаранить? – Кирилл с детским интересом разглядывал рыжего «десантника»:

– Да ничего не надо. Все у нас есть! Разве, что пивка, про которое я уже намекал, по паре бутылок на брата. При такой жаре было бы в самый раз! Но если сегодня на пивном заводе выходной, то мы готовы потерпеть до завтра. Не графья и не лорды, чай! – Бородаенко поднялся со ступенек, щелчком пульнул окурочек в сторону:

– После обеда пивко у вас будет. Если вместо бутылок будут жестяные банки, очень огорчитесь? – Подхватил на руку форменную, камуфляжную куртку, портупею с пристегнутой, тяжелой кобурой и упругой походкой зашагал в сторону штабных модулей. На ступеньке лежать осталась пустая, пивная бутылка из под импортного пива.. Кирилл задумчиво глядел ему вслед:

– Какой интересный персонаж! Первый раз встретил прапорщика, запросто курящего французские сигареты «Житан», которые хранит в серебряном портсигаре. И сам портсигар – не «Раша – штамповка» на барахолке купленная. Арабская азбука на крышке гласит, что Аллах велик, а в месяц – пять красавцев изумрудов врезаны. Если это не сувенирная подделка в Анкаре купленная, то за него смело можно предлагать подержанный, трехсотый «Мерс», и еще пару тысяч зеленых сверху. И не прогадаешь! – Вадим тоже смотрел вслед бойцу «продвойск»:

– А я обратил внимание на его речь: чистая, связанная и с заметной долей юмора. Ну, прямо не прапорщик тыловой службы, а лектор общества «Знание»! А что касается портсигара, может он трофейный, а может, у кого местных на продукты выменял!

– Точно! Словил невзначай Руслана Гелаева в горах и в качестве трофея взял его портсигар себе на долгую память. На «прапора» взглянешь и сразу понято: вот он – гроза и победитель Аль—Каиды! **(Здесь и далее: организация, запрещенная на территории Российской Федерации)** – Кирилл хрюкнул от собственной шутки:– А вот «выменял» – мне больше нравится. Сам видел: едешь по Чечне, а вдоль дороги местные с портсигарами стоят. Шеренгами! И меняют их только на банку тушенки, причем обязательно свиной. Это чтобы не съест ненароком: они же мусульмане, а им свинина Кораном запрещена. Эту банку они ставят себе в сервант в качестве сувенира и берегут пуце глаза собственного.

Сам – то веришь в свои предположения? Местные далеко не дураки. У них каждый малец в ценных вещах разбираются похлеще нас двоих вместе взятых! Чтобы такую вещь у них нашему прапорщику выменять, продукты со склада КТО – «УРАЛом» с мощным прицепом вывозить надобно! А кто ему столько продуктов и под какую – такую надобность отпустит? – Вадим, соглашаясь с доводами Кирилла, покаянно улыбнулся:

– Ладно, проехали. Давай автомат, пойду сдаваться. – Кирилл с явным сожалением расстался с пришедшим ему по нраву «Валом». Следом картонную коробку с гильзами:

– Ровно двадцать штук. Иди, сдавайся, а я пойду в умывальник к обеду готовиться: надо пороховой нагар смыть! – Вадим улыбнулся: надо же полтора десятка патронов сжег, а поет, как будто в полноценном бою участвовал. Нужно ему, видишь, пороховой нагар смыть! Но мысли свои высказывать не стал: еще обидится, но от мелкой колкости удержаться не смог:

– Меня на обед не жди. Я аппетит так и не нагулял. И чистка оружия много времени требует. Перекушу, чем бог и Федорук послали. Когда – то же надо холодильник разгружать!

А насчет помывки – это ты зря! Представь: заходишь ты в офицерскую столовую, и твой пороховой запах сразу забивает все съестные ароматы. Молодые поварихи выглядывают из кухни: кто это к нам, весь такой боевой и героический, пожаловал? А тут ты: блондин, высокий, стройный, широкоплечий, голубоглазый, косая сажень в плечах! Ну, прям былинный богатырь: Алеша Попович напополам с Ильей Муромцем! От такого прекрасного вида поварихи, те, кому двадцать пять лет не стукнуло, и которые попадают под параметры 190 – 160 – 190, штабелями валятся на пол, закатывая глаза и шепча твое имя!

Мой тебе совет: не ходи в умывальник. Польза двойная. Первая: воду сэкономишь, вторая – в офицерской столовой всегда будешь получать двойную пайку. Поразмысли над этим! Стоит ли овчинка выделки? – Веселые матюги Кирилла выслушивать не захотел: развесил по плечам оружие и зашагал к первому модулю.

В VIP номере было прохладно и сумрачно: солнце клонилось к западу и в окно уже заглядывать не пыталось. В открытую форточку легкий сквозняк затягивал запах уходящего лета и сохнувшей, после обильных дождей, земли. Чистую столешницу облюбовали две зеленые мухи, задравшие вверх крылья и что – то перетиравшие между передними лапами. Этот явный вызов и посягательство на территорию спецназа и Вадим устранил его одним взмахом полотенца.

Покопавшись в чудо – холодильнике, он остановил свой выбор на копченой индейке и печеночном паштете. Отсутствие хлеба – огорчило, но не сильно: на боевых выходах случались вещи и похуже. Бывало, пища есть, а в сухое горло не протолкнешь: во флягах ни капли воды. Не то, что ныне. Есть и яблочный и апельсиновый сок. Одним словом – не столбовой дворянин. Когда отсутствует шампанское – и бургундское подойдет. Мы ко всему привыкшие!

– Мысли о доме, несмотря на обещание самому себе стараться не думать ни о чем, что не связанном с командировкой, все равно пробились в сознание. Вадим, после скромного обеда, сидел на ступеньках своего модуля и дымил «Явой». Тело, лишненное в боевых выходах летних процедур, настойчиво требовало солнца, тепла и загара. Противиться желанию не было сил, и он наверстывал сезонные пробелы. Экипировка соответствовала занятию: темные, каплевидные очки; личный жетон на шее; шорты, купленные Натальей в прошлом году в Геленджике во время отпуска и китайские, резиновые сланцы.

Со времени ссоры с женой прошло шесть дней, и острота её несколько притупилась, злость и обида тоже, и как – то сами – собой стали менее злыми и обидными. А многие её слова и выражения вообще стерлись из памяти. Во всяком случае, события того дня приобрели совсем другой, менее оскорбительный для Вадима характер, чем в первые часы и дни после того, как они произошли. На первое место выдвигались другие аргументы: известие о её беременности и о скором времени получения им статуса отца. А с учетом этого, её упреки и просьбы, и его глупая, взрывная реакция на них, смотрелась несколько иначе. Да к черту «несколько» – совсем не так!

Конечно, она своими словами поставила под сомнение такие понятия, как воинский долг, присяга, боевое братство. Понятия, которые являются для него и его сослуживцев, если не святыней, то путеводной звездой по жизни – это точно! Она не понимает, что от результатов их командировок на Северный Кавказ зависит мирная жизнь не только в этой «гордой» республике, но и во всей стране! Что каждый отловленный или уничтоженный ими «непримиримый

борец за независимость», возможно, сохранит жизнь десяткам, сотням, а может и тысячам их сограждан!

Возникает вопрос: почему она этого не понимает? А ответ, лежит на поверхности: с какого испуга она должна все это понимать? Почти всю свою короткую жизнь она прожила в маленькой, богом забытой, мирной деревеньке. В семье отродясь военных не было. Отец в армии не служил, по причине слабого здоровья. Дед, воевавший в Отечественную, ушел из жизни еще до рождения Натальи. Военную форму она видела только тогда, когда редкие хлопцы – земляки на короткое время возвращались в деревню: после «дембеля» повидать своих родных и близких, пройтись по сельскому «Бродвею» павлином и спешно укатить в шумные поселки и города.

Первое знакомство, связанное с особенностями и «прелестями» воинской службы, произошло уже после её замужества, но ясности и знаний не принесло. Телевидение тоже не стало источником для осмысления того, что происходит в стране. Еще живя в деревне, Наталья, как и все её односельчане, крепко подседа на сериалы и слезливые, полукриминальные фильмы о «золушках», приехавших из глубинки в большой город и там встретивших своего принца на белом коне. Вопросы, откуда берутся столько белых скакунов и богатых бездельников, её не волновали. Выйдя замуж, она своим привычкам изменять, не собиралась.

Но самым обидным было то, что и он, муж, объяснить ей необходимость, ради чего он и его сослуживцы жертвуют семейным уютом, своим здоровьем, а бывает и жизнью – так и не удосужился. Раскрыть ей главное, что является смыслом службы и подробности их пребывания в горах Северного Кавказа, по понятным причинам, он не мог. А рассказы о бытовых и житейских условиях командировок, в его изложении выглядели такими скучными и блеклыми, что самому становилось тошно от своих речей.

Знакомые жены офицеров и прапорщиков, в разговорах между собой, темы службы мужей старательно избегали, что укрепляло в её сознании принцип: в армейской жизни каждый живет своими интересами. И лезть с вопросами в душу, даже к очень близким людям, как – то не принято! Получается, что выпрыгнуть из мира деревенской жизни возможности у Натальи не было! Жгучее чувство досады и злости на самого себя захлестнуло Вадима. В том, что недавно произошло между ним и женой – огромная доля его вины! Ведь он, за время их семейной жизни, не сделал ни одной попытки, объясниться с Натальей. Для этого у него не хватало времени! А если быть честным перед самим собой, то следует признать, что у него и в мыслях не было поинтересоваться моральным настроением жены во время его отлучек.

Возвращаясь из боевых командировок на Кавказ, на все её вопросы отделялся полуплутивыми, ничего не объясняющими ответами типа: – Все нормально, все обычно! Все, как запланировано в высоких штабах, в соответствии с распорядком дня и меню – раскладкой! Даже погода, там всегда была преимущественно солнечной. А единственная трудность, что доводилось испытывать ему в горах – борьба с ужасно кусачими комарами.

Рассказывать о том, что было в действительности – он права не имел.

Глава 7

Мощный залп тяжелой, дальнобойной артиллерии прервал самобичевание Вадима. Крупнокалиберные снаряды с шелестом улетали куда – то за Грозненский хребет. Стрельба через пять минут прекратилась, за это время «Гвоздики» успели произвести по десять выстрелов. Это говорило о том, что «непримиримые» не желают примириться и находятся от лагеря не далее двадцати километров. И что разведка не дремлет, и корректировщики огня свое дело знают туго. Звука разрывов слышно не было, значит «Гвоздика» работала на предельную, максимальную дальность.

Возвращаться к грустным мыслям, как и загорать, почему – то резко перехотелось и Вадим, шлепая сланцами по линолеуму, направился в свой отсек. И, как оказалось, вовремя: уже на подходе к двери услышал раскатистый телефонный звонок. Спешно сняв трубку, узнал голос начальника штаба:

– Привет, Герой! Как отдыхается в компании контрразведчика? «Гжелку» всю прикончили? Если так, то могу еще подкинуть! Или пивом обойдетесь? Бородаенко для вас целую упаковку на складе получил. Когда принесет – ты пересчитай банки. Их должно быть ровно двадцать четыре. Если будет меньше – звони! – Вадим весело усмехнулся:

– Здравия желаю, Сергей Николаевич! Отвечаю в том порядке, в каком эти вопросы были вами заданы. Отдыхается нормально: он бдит – я балдею. «Гжелка» в неприкосновенности стоит в холодильнике. Я её покажу Бородаенко, а он вам подтвердит мои слова.

Банки обязательно пересчитаю и если – что не так – набью прапорщику морду, даже если их будет не двадцать четыре, а тридцать! – На том конце провода послышались бульканье, сильно напоминающее смех:

– Рукоприкладство в армии запрещено, но я тебе разрешаю. Только несильно, и если только банок будет больше, а такого не может быть в принципе! Такое, может в страшном сне присниться: прапорщик – хозяйственник освоил действие сложения, и предпочел его любимому вычитанию. Так – что за здоровье Бородаенко я могу быть спокоен! – И тут же без перехода и совершенно другим голосом:

– В общем, так, Вадим. Сегодня пятница, Субботу и воскресенье балуйтесь пивком, а в понедельник у тебя начнется работа. К десяти ноль – ноль ты должен быть в штабе! Буду тебя знакомить с очень крутыми людьми. Вопросы не задавай – не отвечу. На месте все узнаешь! И не забудь побриться: бородатых, эти люди очень не любят. Если понятно – то до встречи в моем кабинете, в понедельник. – И не дожидаясь ответа, положил трубку.

Вадим присел на край кровати. Правду говорят, что ожидание смерти – страшнее самой смерти. После слов подполковника Серебрянского, на душе как – то стало легче. Пелена неизвестности и ожидания если не спала, то точно стала намного прозрачней, и за ней явственно проявился скорый, активный период его жизни. Где и как все будет происходить – вопрос!

Со стороны входа в модуль донесся звук автомобильного двигателя, а через минуту раздался осторожный стук в дверь и на пороге нарисовался недавно упомянутый прапорщик Бородаенко. Шумно выдохнув воздух, стерев тыльной стороной ладони, пот со лба, поставил на пол объемистую, клеёнчатую сумку, какими успешно пользовались «челноки» в лихие девяностые и хриплым голосом, без всякого приветствия, как будто и не расставались, присипел:

– Я тут обещанное пиво вам принес. Ровно двадцать четыре банки. Сомневаюсь, что оно сейчас холодное, но в вашем холодильнике места для него имеется. Если его в морозилку загрузить и включить режим быстрой заморозки, то через минут пятнадцать оно инеем покроется.

Выбора на складе не было, брал то, что дают. Но эта марка мне нравится: называется «Факсе» и врят его в Дании. Может вы к такому непривычные, но другого сорта взять негде.

Так что – извиняйте! – Расстегнул сумку и вывалил из неё запаянный брикет из толстого полиэтилена. Через него проглядывались ровные ряды пивных банок с черной надписью «FAXE». Упаковка не нарушена, и считать количество банок, не имело смысла. Вадиму осталось только поблагодарить «честного» и добросовестного хозяйственника. Что он и сделал!

Солнце клонилось к закату, когда объявился Кирилл. На предложенную банку пива, сказал: -Ух, ты! – Щелкнул замком и оторвался от банки, когда она опустела. Блаженно погладил себя по животу, вкусно рыгнул и только тогда начал снимать португую с грозным «Стечкиным»:

– Значится, хозяйственник оказался не болтун? Прапор сказал – прапор сделал? Так что ли? – Вадим кивнул головой:

– Вроде того. Но боюсь, что его участие в этой операции ограничивается написанием заявки и походом на продовольственный склад. Главная заслуга в пивном празднике, как я лично понимаю – начальника штаба. Он мне сам по телефону сообщил, что Бородаенко, с двадцатью четырьмя банками, скоро будет у нас. Без ведома Серебрянского, ему бы от мертвого осла уши со склада не выдали! – Раздевшийся уже почти до трусов особист вскинул голову:

– Значит подполковник тебе уже отзвонился. Выходит, что ты в курсе происходящего?

– Да ни хрена я не в курсе! Приказал в понедельник прибыть в штаб для знакомства, с какими – то серьезными людьми. А за выходные, нам с тобой выпить все пиво. И все!

– Ну, это мы с большим удовольствием и запросто. Нам бы еще, для полного счастья, астраханской воблы. Тогда бы мы его приказ выполнили на сутки раньше! Сам понимаешь – семга к пиву не катит! А в остальном, все так и выглядит. В лагерь прибыла какая – то серьезная группа, из самой Москвы. Доступ к ней строго ограничен и цели её прибытия – тайна за семью печатями. Это я услышал на сегодняшнем совещании в особом отделе КТО. Представляешь, каков уровень секретности, что даже мы, контрразведка, никакой информацией не обладаем. Причем, на этом совещании присутствовал неизвестный никому московский полковник из нашего главка. Который все совещание, чертил круги и квадраты в блокноте и за все время ни слова не вымолвил. Я сидел позади и все его художественные потуги зрел.

Но самое главное: после совещания он поманил меня пальцем и задал всего один вопрос: как ты себя чувствуешь, и какое у тебя настроение! Ты знаешь, я от этого вопроса чуть в осадок не выпал. Посуди сам: московский полкан, весь такой важный и загадочный, и вдруг такой интерес к скромному прапорщику, пусть и Герою! – Кирилл удрученно развел руки. Вадим, хмуря брови, открыл холодильник и достал две банки пива, одну протянул Левочкину:

– Ладно, чего уж тут гадать. Ясно, что дело не во мне. Возможно, причем с большой долей вероятности, что мне отведена какая – то роль. Но смысла пытаться попасть пальцем в небо я не вижу. Предлагаю, до понедельника к этой теме не возвращаться. Давай наберемся терпения, и не будем изводить друг – друга игрой в настрадамусов.

Семга действительно к пиву категорически не подходила. Слишком жирная! А пиво рыбный жир не расщепляло: язык и нёбо становились скользкими и вкусовые рецепторы, на них расположенные – отказывались выполнять свои функции. Глоток пива неотличимо походил на глоток, слабо подсоленного рыбьего жира. Гадость еще та!

Выход из создавшегося положения нашелся: семгу назад в холодильник и по рюмке «Гжелки» без закуски. Неприятнее послевкусие, как рукой сняло! Заменявший семгу голландский сыр и сервелат пришлись как нельзя кстати. Кирилл открыл очередную банку:

– Вадим, ты заметил, что я говорю с тобой совершенно откровенно? Поверь, при том у меня нет никаких разьедающих душу сомнений. А я все – таки контрразведчик и мне по уставу положено доверять только самому себе. Остальным, с кем меня столкнула жизнь, только по утрам и только тем людям, которые святее самого Папы Римского! Ты – к таким не относишься! Тем не менее, я смело говорю тебе о том, что происходило на сегодняшнем

совещании: о прибытии к нам группы спецов из самой Москвы, о странном задании, которое я получил в отношении тебя.

Более того: начальник особого отдела при штабе КТО мне ясно дал понять, что ты должен знать как можно больше, и что от тебя, у меня не должно вообще быть секретов! Ну ладно, я молодой контрразведчик и опыта у меня мало, но ты бы видел, как низко отпали челюсти у тех ветеранов нашей службы, кто собаку на ней съел, когда они такое услышали. Это же нарушение всех незыблемых постулатов и основ нашей работы! Как можно рассказывать человеку, далекому от службы в особом отделе, о чем говорим на наших, для всех закрытых, совещаниях? Это же уму непостижимо! – Вадим уже не улыбался: он был предельно собран:

– Ну и о чем еще говорили у вас на тайном вече? Меня просто на части разрывает от любопытства: чем это скромный старший прапорщик заслужил такое доверие у чекистов? Может, в скором будущем я получу от вас предложение перейти на службу в органы ФСБ? – Кирилл вяло отреагировал на колкость:

– Никто никуда тебя звать не будет. Где служишь, там и будешь продолжать служить. Только со вчерашнего дня, ты уже не старший прапорщик, а младший лейтенант! С чем тебя я и поздравляю! Приказ подписан и в понедельник тебе вручат погоны. Первые, офицерские! Если так дальше покатит то, глядишь, и меня скоро обгонишь.

Одна просьба: когда будут читать приказ – сделай квадратные глаза, будто для тебя это сюрприз и большая неожиданность. Не выдавай друга! Просто не удержался и поспешил тебя первым поздравить. За что мне первому от тебя и причитается! Такой я шкурный и приземленный человек! – Вадим, мало соображая, на полном автомате, полез в холодильник за «Гжелкой». Надо признать, что для такого поведения были веские основания. Слишком много событий для одного месяца уходящего лета: сначала представление к званию Герой России, а теперь еще производство в первое офицерское звание! Как выразился Кирилл: – «Это же уму непостижимо!».

Пока Вадим нарезал колбасу, ветчину и принесенный из столовой мягкий, белый хлеб, Кирилл покопался в своем бауле, достал маленькую, полевую, зеленую звездочку и протер чистой салфеткой. Критически оглядел, накрытую для торжественного случая поляну и до краев наполнил водкой два хрустальных стакана, изъятых от хрустального же графина с питьевой водой. В стакан новоиспеченного младшего лейтенанта опустил символ вхождения в офицерское сословие:

– Ты не думай, мы традицию не нарушаем. Если бы я своими глазами не видел приказа о присвоении тебе офицерского звания, я бы *твою* звездочку, раньше времени в стакан не бросил!

Глава 8

Ударная волна от очередных залпов «Гвоздик» трижды ударила в единственное окно отсека. В замкнутом пространстве они показались даже мощнее чем на улице. Вадим и Кирилл, несмотря на то, что за пределами модуля ночь начинала праздновать победу – люстру не зажигали, а довольствовались отсветом, что исходил от включенного телевизора.

На столе стояли ополовиненный хрустальный графин с обыкновенной водой, бутылка приконченной до дна «Гжелки» и заветренные остатки, как выразился их ангел продовольственник, прапорщик Федорук – «ветчины из хрюшки». Вторую емкость открывать не стали, посчитав, что торжественный ужин и так удался и что вторая бутылка будет лишней.

Разговор между ними протекал не то чтобы вяло, но без патетики и надрыва: о звезде и офицерском звании более не упоминали, служебных тем старались избегать, помня о притаившемся «жучке» в плафоне люстры.

Появилось стойкое желание глотнуть табачного дымка, но в отсеке они себе курить не позволяли, а выходить на воздух было лень. Так и сидели в полумраке, вспоминая случаи удачной рыбалки (Вадим), и грибного промысла (Кирилл). Темпом, с разницей минут в десять, обладатель чистых рук и горячего сердца, предлагал «еще по одной», на что Вадим, подгулявшим голосом выдавал согласие, и Кирилл добросовестно наливал воду в стаканы. Крякнув и добросовестно выдохнув, они сообщали «жучку», что застолье идет своим чередом. Что из воинской канвы: не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня – в ближайшее время выходить не собираются.

Кирилл в очередной раз наполнил водой стаканы, развалился на стуле и вытянул ноги в сторону кровати:

– Давай еще по одной, и пойдем на улицу перекурим. Спасу нет, как дымом отравиться хочется. Уши уже опухли! – Сошлись стаканами, крякнули, сделали вид, что закусывают. Жучок добросовестно зафиксировал продолжение банкета. Про него они помнили и собой были довольны: ни одного неосторожного слова не было ими сказано. Да и говорил в основном Кирилл, а он свое дело знает! Пиво с собой взять они не забыли.

Светомаскировка в лагере поддерживалась строжайше и неукоснительно. Из памяти участников КТО не выветрились случаи, пусть и редкие, обстрелов из гранатометов и минометов, со стороны Грозненского хребта, как аэродрома, так и самого лагеря.

«Вавилонское столпотворение», как выражался помощник коменданта майор Штанько, плотно накрывала непроглядная южная ночь. Ни одного светового пятнышка, ни одного лучика не разрывало бархатную, августовскую темень. Звезды на черном небосводе смотрелись не просто большими, а огромными и какими – то мохнатыми. Таких звезд, в пределах границ человеческого обитания, никогда не увидишь!

Присели на ступеньки жилого модуля и с удовольствием задымили сигаретами. За день нагретая солнцем земля начала делиться влажным теплом с ночью. По сравнению с отсеком, сидеть на ступеньках было душно: голые торсы курильщиков моментально покрылись легкой испариной. Вязкую, глубокую тишину нарушали только невидимые сверчки и немногочисленные, но охочие до человеческой крови комары. Кирилл, выдохнул облако табачного дыма и неожиданно объявил:

– Наши специалисты, заранее зная, куда планируют нас поселить, накануне дня твоего приезда проверили номер на предмет возможных, шпионских сюрпризов. Так вот: в отсеке все было чисто. Из этого следует, что «жука» нам внедрили непосредственно перед нашим вселением. Днем, когда ты в самолете парился, или, скорее всего – предшествующей ночью.

Следов несанкционированного вскрытия замков жилого модуля и отсека – нет. Других способов проникнуть в отсек тоже нет. Окно исключается: оно, в отсутствие постояльцев,

наглухо блокируется изнутри, о чем делается запись в специальном журнале. Такое правило, сам понимаешь, действует только для тех помещений, где возможны разговоры, пусть даже случайные, но имеющие определенный интерес для *той* стороны. Все штабные модули и офицерские отсеки в тот список попадают.

Еще: ключи от таких помещений, когда они не заселены, хранятся у дежурного по нашему лагерю в двух экземплярах от каждой двери и в опечатанном виде. Взять их, под роспись, имеют право всего пять человек. Все они известны и нами проверены. Из этой пятерки интерес для нас представляют двое: Бородаенко и Федорук. Именно они, по вполне обоснованной причине, за день до нашего вселения брали ключи от модуля и отсека. Основанием для этого был приказ самого подполковника Серебрянского подготовить «генеральский» номер к приему жильцов.

В книге выдачи ключей, за день до нашего вселения, имеется подпись прапорщика Бородаенко об их получении. Время указано – одиннадцать двадцать пять. А в восемнадцать тридцать, того же дня, Федорук доложил начальнику штаба о готовности отсека к приему гостей и что в VIP номере неисправен холодильник и отсутствует телевизор. Серебрянский сделал себе пометку: завтра разобраться и укомплектовать номер полностью. Это было сделано прапорщиками перед нашим вселением. Но записи в этот день, в книге выдачи отсутствуют. Выходит, что ключи у них находились почти двое суток. И еще: ключи получал Бородаенко, но нам их вручил – Федорук, и только от отсека и только один. Вторые ключи остались у него. Дежурному они их не сдали!

Далее: немедленно нашими сотрудниками началась повторная, углубленная проверка обоих прапорщиков и кое – что интересное уже нарыла. Особенно по Бородаенко. – Кирилл достал маленький листок из нагрудного кармана. Читать при таком освещении было невозможно, значит, содержание его он знал наизусть:

– Бородаенко Алексей Степанович. Родился, крестился и проживал в селе Ясень, какое есть в Ивано – Франковской области, на Украине. После срочной возвращаться на свою Родину не захотел и подал рапорт на продолжении службы в качестве прапора. Школу прапорщиков осилил без труда. По окончанию учебы, подвязался по линии хозяйственной деятельности. Начпродом. Поначалу в отдельной роте, а затем в батальоне специального назначения ВДВ. Служил исправно, кормил сытно и в прошлом сентябре удостоился чести отправиться в Грозный уже в составе спецназа ГРУ. Холост, почти все денежное содержание отправляет престарелым родителям. Притом, себе в тратах на рынках Грозного не отказывает, что от сослуживцев тщательно скрывает.

Еще один интересный факт из его биографии: толи в январе, толи в феврале этого года у него появилась пассия. Причем из местных! Тридцатилетняя славянка по имени Ира. И что самое интересное – она землячка Алексея Степановича! В смысле, она тоже с Украины и тоже, западной. В Грозный она приехала после окончания сельхоз техникума в девяностом году, но не по штатному распределению, а в гости к своей родной тете, которая здесь проживала с начала шестидесятых. На Кавказе Ирине понравилось, и она решила обосноваться здесь надолго. Престарелая тетька была не против: муж у неё давно умер, а детьми она не обзавелась. Работу нашла быстро, хотя и не по специальности. Подвернулось место кассира на международном, переговорном пункте – она и согласилась. Зарплата, конечно, не ахти, зато все время при деле и на людях.

Именно там она познакомилась с молодым, перспективным, партийным работником: начальником идеологического отдела, Октябрьского райкома КПСС города Грозного – Багаутдином Ильясовичем Мержоевым. Через короткое время он превратился для неё в Бореньку, а она для него стала просто Ируськой. На шашни муженька с молодой красавицей хохлушкой, официальная жена Мержоева – Лейла, сотрудница того же отдела райкома, смотрела сквозь

пальцы. Кавказ – он есть Кавказ, и Коран на нем никто не отменял! Многоженство, как признак материального достатка – тоже!

С этого времени, кривая жизни Ируськи резко поползла в гору. Через три месяца она поменяла работу. Как по велению Золотой Рыбки из скромного кассира превратилась в уважаемую всеми заведующую престижного в городе кафе под названием «Терек». Тогда и начался золотой период в жизни Ирины Убийволк из далекого города Ужгорода.

По велению той же «Рыбки», у неё появилась четырехкомнатная квартира в центре города, неподалеку от театра имени Ханпаши Нурадилова. Следом – черная «Волга» ГАЗ 3110, которую, вскорости, сменил новый Мерседес 240, первый, на то время мерседес в городе Грозном. Боренька, теперь, чаще ехал на службу из её «гнездышка», чем из семейной «трешки».

Развал Союза и отмена КПСС, не очень сильно повлияли на золотой период их жизни. Мержоев, сразу после пресловутого ГКЧП, сменил кабинет начальника идеологического отдела в райкоме, на кабинет директора Центрального рынка города, полновластным хозяином которого он фактически и стал.

Надо отдать должное и проснувшемуся азарту наживы у жгучей украинской красавицы: из заведующей кафе она трансформировалась в крутую бизнес леди, став собственницей привычного «Терека» и еще трех ресторанов в городе. Отныне её уважительно величали Ириной Семеновной, а за глаза – «Хохлуха – Рестораторша», но только шепотом и оглядываясь по сторонам. Кому на трезвую голову придет мысль так величать её вслух? Все знали, что она является второй, а может и первой женой самого Мержоева, у которого только для охраны рынка, собрано более двух сотен активных штыков. Желающих ссориться с ним, было очень мало, можно сказать – вообще не было! – Кирилл запалил очередную сигарету. Вадим сидел, весь превратившись вслух. История страстной любви между чеченцем и украинкой была занимательной, а рассказчик из Кирилла – еще тот!

Время подкрадывалось к полуночи: сверчки стали объединяться в оркестры, комары же, наглотавшись табачного дыма, пропали напрочь. Было тепло, уютно и тихо. Казалось, что война удалилось куда – то далеко за горы и вместо неё, на истерзанную танками и пушками землю пришел долгожданный мир. На самом деле – все было не так: где – то в горах бродили бородатые люди с зелеными повязками на лбу, с горящими от ненависти и желанием скорой кровной мести глазами. Пусть они и родились под другим небом, и другими звездами. Пусть! Но они были уверены, что несут настоящую Веру и истинное толкование Корана для забитых, кавказских единоверцев. Смерть неверным! Трижды смерть неверным! Кинжал наточен, глотка у «русуков» податливая. Ради этого стоит посылать коренных жителей в кровавую мясорубку. Тем боле, что те тоже хотят есть, пить, платить калым за невесту, а некоторые – даже учиться.

Деньги для каждого найдутся. Для того есть фонды, различные гранты, личные, на веру, пожертвования. Зеленые деньги – они и на их далекой родине деньги. Даже с учетом того, что они не имеют никакого отношения к Казначейству США и печатаются в схронах «независимой» республики Ичкерия. Правда, в последнее время, аборигены стали задумываться о том, что враги ли, на самом деле, эти русские? И друзья ли, эти арабские носители истинного ислама? А это, по мнению добровольных проповедников, было в корне не верно!

Глава 9

Вадим поднялся со ступенек, разминая затекшие от неудобного сидения ноги. Достал пачку, но обнаружив, что сигарета в ней последняя, закуривать не стал и отправил пачку назад в карман. Кирилл протянул ему свою, но «особист» отмахнулся. Кирилл не стал настаивать:

– Интересный и познавательный у тебя рассказ получился. Даже спать расхотелось! Чем же эта «бизнес – любовь» закончилась? – Кирилл криво усмехнулся:

– А ничем! В смысле ничем хорошим! Вкратце напомню тебе недавнюю историю. В самом конце октября девяносто первого года, на президентских выборах победу одержал Джохар Дудаев, уроженец селения Ялхорой, выходец из тейпа Цечой. Он же отставной генерал – летчик. И столица только что образованной Чеченской Республики Нохчи – чо, зажила совсем иной жизнью. В Грозный хлынули потоки земляков и родственников новоиспеченного президента, которым требовалась теплая, хлебная среда для проживания. Начался передел собственности.

Буквально в течение одной недели Мержоев лишился рынка, а рестораторша – всех четырех ресторанов, соответственно. Даже грозная охрана бывшего партийного функционера не смогла защитить «нажитую непосильным трудом», собственность. Как говорится – против власти не попрешь! И что самое обидное – жаловаться некому, да и не на кого! В народе рождается новая поговорка: «прав не тот, у кого больше прав, а тот, у кого тейп более могучий и уважаемый!»

Но беда не приходит в одиночку: в январе девяносто второго года, вовремя пожара в бывшем обкомовском доме, погибает его жена Лейла и пятилетняя дочь Фатима. Потайной сейф, вмонтированный в стену, в котором хранились немалые драгоценности и украшения, вкупе с «зелеными деньгами» – исчез неизвестно куда. Жаловаться снова было некому.

После этого Мержоев идет ва – банк. Делает неожиданный и рискованный ход. За деньги Ирочки и свои оставшиеся «сбережения», закупает стрелковое оружие, боеприпасы и экипировку, захваченную боевиками на складах 556 полка внутренних войск, после его разгрома в феврале 1992 года. Цель ясна и понятна: создание собственного отряда в четыреста стволов, костяк которого составили охранники рынка.

Далее – следующий, еще более хитрый ход: после месяца боевой подготовки и строевых занятий, отряд, под личным командованием, Багаутдин выводит на площадь перед президентским дворцом, а сам поднимается на девятый этаж в кабинет самого президента и презентует главе нации вполне боеготовое воинское подразделение. Джохар подарок оценил по достоинству.

Личный состав отряда немедленно привели к присяге. Мержоев, отдельно от всех, принес клятву верности чеченскому народу и лично её президенту, целуя побуревший от времени, но еще острый клинок, старинного родового кинжала семьи Дудаевых. Джохар —Мержоеву, хотя тот был уроженцем не его тейпа, поверил сразу и бесповоротно. Такими вещами горцы не шутят!

И водоворот новой жизни, бывшего функционера КПСС и бывшего единоличного хозяина Центрального рынка, вновь пришел в движение, все глубже затягивая в образовавшуюся воронку и самого Мержоева, и его отряд, и Иринуку Убийволк. Водоворот поражал воображение своей стремительностью: в течение нескольких дней число стволов в отряде было доведено до семисот единиц. Местом его дислокации стала территория того самого, 556 – го полка внутренних войск, разоруженного отрядом чеченского ОМОНа.

Золотая Рыбка вспомнила о своих обязанностях и в расположении отряда появились строительные бригады, которые приступили к ремонту и обустройству бывших полковых казарм и служебных помещений. Помимо этого отряд, в срочном порядке, доукомплектовали

бывшими сержантами, прапорщиками и офицерами Советской Армии, прошедших Афганистан и имеющих реальный боевой опыт. Под их руководством началась интенсивная, плотная, боевая подготовка. Вместе со всеми учился воевать и его отец – создатель. Вновь созданный батальон специального назначения, вошел в состав личной президентской гвардии. Командиром его был утвержден уже знакомый нам – Мержоев.

Бывший перспективный партийный лис, все рассчитал правильно. И результаты его неожиданного хода не заставили себя ждать: вскоре ему вернули утраченную собственность. Правда, наполовину: он стал вторым совладельцем Центрального рынка. Первым – был дальний родственник самого президента – Магомед Тепкоев. Но Мержоев был не в обиде. Пока!

А вот Ирине повезло больше: под её крылышко вернулись все её четыре ресторана. Одним словом – жизнь вошла в прежнюю колею! Во всяком случае – в вопросах собственности.

До обеда Мержоев проводил время на тренировочном полигоне, постигая вместе со своими джигитами азы воинской науки. После обеда он работал в своем кабинете на рынке, а вечер и половину ночи – трамбовал на роскошной итальянской кровати ненасытную, незнающую запретов в постельных играх, украинскую красавицу. Такая жизнь нравилась и устраивала обоих.

Но не зря придумали поговорку: все хорошее – быстро заканчивается! Через полгода между совладельцами рынка пробежала кошка. Сначала маленькая и серенькая, затем – огромная и черная. Причина тому была банальной: падение доходов.

Мержоев взвалил на свои плечи поставку на рынок импорта. Поначалу он ни в чем не проигрывал. Одно дело загружать на прилавки турецкий ширпотреб из портов соседней Грузии и совсем другое тащить картофель из России или закупать баранину и говядину, мотаясь по родным горным аулам. Турецкие «Твиксы», «Сникерсы», «Фанта» и «Кола», в Батуми и Сухуми стоили копейки, в фурах места занимали мало и на таможенных постах ценным грузом не считались.

Импорт тряпок и кожи, с красивыми лейблами обеспечивали, лишившиеся работы и обнищавшие до предела земляки. Бизнес, в последствии названный челночным, на Кавказе только набрал силу и размах. Компаньонам оставалось только собирать урожай с палаток и киосков, как грибы выраставших на территории рынка.

До поры до времени его компаньона – Магомеда Тепкоева, такое положение дел очень даже устраивало и доходы от рынка делились ровно пополам. Но пришло время разрыва всяческих и всех хозяйственных связей гордой республики со своими соседями. Заводы, фабрики, сельские предприятия разваливались и разворовывались. Люди теряли свою работу, а соответственно и заработок. Русскоязычное население, жившее на этих землях не одно поколение еще со времен завоевания Кавказа, за бесценок продавали дома и квартиры, а чаще всего их просто бросали и уезжали, куда глаза глядят. Поговорка – «продают только тогда, когда кто – либо покупает» – во всей своей красе расцвела в гордой, независимой Ичкерии. Коренное население, исполнив свою давнюю мечту «чеченская земля – только для чеченцев» – на рынок за импортными товарами в очередь не вставало. Их совсем не интересовали Сникерсы, им они предпочитали собственного производства халву. Заморскому маслу, из неведомых оливок – привычное подсолнечное масло. Что уж говорить о турецких кроссовках: куда удобнее родные ичиги из местной кожи! И дешевле и в носке надежнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.